
**ИННОВАЦИИ
В КОРПУСЕ ГУМАНИТАРНЫХ
ИДЕЙ**

Часть 2

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт фундаментальных и прикладных исследований

ИННОВАЦИИ
В КОРПУСЕ ГУМАНИТАРНЫХ ИДЕЙ

Материалы конференции
Института фундаментальных и прикладных
исследований
Московского гуманитарного университета
16–17 февраля 2012 года

Сборник научных трудов

Часть 2

Издательство Московского гуманитарного университета
2012

Исследования выполнены в соответствии с Планом НИР
Московского гуманитарного университета на 2012 год

*Под редакцией
доктора философских наук, профессора,
заслуженного деятеля науки Российской Федерации
Вал. А. Лукова,
доктора филологических наук, профессора,
заслуженного деятеля науки Российской Федерации
Вл. А. Лукова*

И66 Инновации в корпусе гуманитарных идей : материалы конференции Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ 16–17 февраля 2012 года. Ч. 2 [Текст] : сб. науч. трудов / под ред. Вал. А. Лукова, Вл. А. Лукова ; Моск. гуманит. ун-т. Ин-т фундамент. и прикл. исследований. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2012. — 91 с.

Сборник статей посвящен исследованию инновационных положений и идей, обогативших гуманитарное знание в начале XXI века.

Для исследователей гуманитарных дисциплин, студентов, аспирантов и преподавателей.

© Авторы статей, 2012.

© Московский гуманитарный университет, 2012.

ИДЕЯ МЕСТОИМЕНИЙ КАК СМЫСЛОВЫХ ИСХОДОВ В РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ СМЫСЛОВ

Местоимения в языке — это особый и, если угодно, один из наиболее загадочных разрядов слов, вокруг которого до настоящего дня продолжают оживленные лингвистические дискуссии. Новая идея представить местоимения как смысловые исходы складывается в контексте грамматической традиции представлять их «языковыми категоризаторами», где обнаруживаются весьма различные подходы к этому разряду слов.

По своему происхождению местоимения, как правило, во всех языках относятся к очень древним слоям словаря. Более того, достаточно долго в языкознании существовала (и продолжает существовать) гипотеза о первичности местоимений по отношению ко всем другим классам слов. Так, В. Гумбольдт писал: «Мне кажется, что в одной из более ранних работ я сумел показать, что местоимения должны быть первичными в любом языке и что представление о том, что местоимения есть самая поздняя часть речи, абсолютно неверно. Представление о чисто грамматическом замещении имени местоимением подменяет в таком случае более глубокую языковую склонность. Изначальным, конечно, является личность самого говорящего, который находится в постоянном непосредственном соприкосновении с природой и не может не противопоставлять последней также и в языке своего "я". Но само понятие "я" предполагает также и "ты", а это противопоставление влечет за собой и возникновение третьего лица, которое, выходя из круга чувствующих и говорящих, распространяется и на неживые предметы. Лицо, в частности, "я", если отвлечься от конкретных признаков, находится во внешней связи с пространством и во внутренней связи с восприятием» (Гумбольдт, 1984: 113–114). Этой же точки зрения придерживался немецкий младограмматик Август Фик, афористически утверждавший: «С большим основанием можно видеть в них настоящие древние имена, так что, наоборот, позднейшие имена можно бы назвать заместителями местоимений» (цит. по: Потебня, 1888: 82).

Идея о том, что местоимения представляют собой древнейшие слова и что именно с возникновения местоимения первого лица во всех языках начинается история категории имен, была сочувственно воспринята русской грамматической мыслью и активно развивалась в работах

Г. П. Павского, И. И. Давыдова, К. С. Аксакова (см.: Павский, 1850: 240–250; Давыдов, 1852: 207; Аксаков, 1875: 7).

Против такой трактовки местоимений как первых имен возражал А. А. Потебня, который, вслед за Х. Штейнталем, полагал, что уже в древности все слова делились на два лексико-семантических типа: 1) слова «качественные», отражавшие действительность в ее конкретных признаках; 2) слова «указательные», то есть местоимения, означавшие явления и восприятия указанием на их отношение к говорящему лицу (Потебня, 1888: 82).

В. В. Виноградов также не разделял утверждение Гумбольдта о том, что первым актом в развитии языка является осознание личности говорящего, выражаемое местоименными словами, считая его априорным. Подобные взгляды В. В. Виноградов определял как романтические, субъективно-идеалистические и присоединялся к иронизированию К. Маркса по поводу фихтеанской концепции местоимений как основной и первичной формы самосознания (Виноградов, 1972: 258). Впрочем, возражая против отнесения местоимений к древнейшему и наиболее устойчивому слою речи, В. В. Виноградов признавал, что в этом разряде слов «пережиточно сохранились, хотя и в сильно измененном виде, следы древнейших стадий грамматического строя» (там же: 270).

Так же как и происхождение местоимений, спорными остаются до сегодняшнего дня многие вопросы их семантики и функционирования в высказывании.

От античности идет трактовка этого класса слов, согласно этимологии самого термина «местоимение» (греч. *antonymia*, лат. *pronomen* — 'вместо имени'), как заменителей имени (см., например: Добиащ, 1882: 80). Согласно этой концепции местоимения рассматриваются как «субституты», «заместители» (Блумфильд, 1968: 247; Исаченко, 1965: 166) или «проформы» (Харрис, 1962: 528).

Столь же древним является взгляд на местоимения как на указательные, дейктические (от греч. *deixis* — 'указание') слова. В. В. Виноградов, например, называет местоимения классом «субъективно-указательных слов, определяющих действительность в ее отношении к говорящему лицу, к данной обстановке речи» (Виноградов 1972: 255). С этой точки зрения местоимения рассматриваются также как слова с «дейктической» функцией или слова с «непостоянной сигнификацией» (А. Норейн), «подвижные определители» или «шифтеры» (О. Есперсен, Р. Якобсон), «контекстуальные слова» и т. п. (об этом см., например: Крылов, 1989: 5–6).

Оба эти типа значения местоимений иногда объединяются в один, например: «Термин "местоимения" (местоименные слова) традиционно употребляется применительно к широкому кругу слов, объединенных общей указательной функцией или ее разновидностью — функцией заместительной» (Краткая русская грамматика, 1989: 202).

И, наконец, согласно третьему подходу местоимения представляют собой «семантический класс слов, в лексическое значение которых входит указание на тот или иной тип референции, "денотативный статус"» (Крылов, 1984: 128). Референциальный подход активно развивается в работах Е. В. Падучевой. По ее мнению, «местоимения — это слова, в значение которых входит либо отсылка к акту речи, либо указание на тип соотношенности высказывания с действительностью» (Падучева 1985: 11).

Все эти подходы к семантике местоимений объединяет один момент: предполагается, что они лишены собственного номинативного элемента значения: «В отличие от слов-названий, местоименные слова не называют лиц, предметов, признаков, а только указывают на них или — в контексте — выступают как заместители слов, их называющих» (Краткая русская грамматика, 1989: 202). Об этой же особенности местоимений писал В. В. Виноградов, отмечая «широту их применения», а также то, что местоимения «характеризуются неопределенностью вещественного значения корня-основы. В них отсутствует номинативное отношение к постоянным предметам, качествам и обстоятельствам. ...Они обладают такой субъективной растяжимостью своего содержания, которая делает их лексическое значение условным, всеобщим, как бы "беспредметным"» (Виноградов 1972: 260).

Изменчивость, непостоянство, «субъективную текучесть» значения местоимений отмечал и Б. Рассел: «Я называю "эгоцентрическими словами" те слова, значение которых изменяется с переменной во времени и пространстве. Четырьмя основными словами этого рода являются "я", "это", "здесь" и "теперь". Слово "теперь" каждый раз, когда я его употребляю, обозначает какой-либо отдельный момент из серии следующих друг за другом моментов времени, слово "здесь" обозначает какую-либо отдельную область пространства, в которой "я" оказываюсь после всякого передвижения; слово "я" обозначает любое лицо, в зависимости от того, кто его произносит» (Рассел, 1957: 119). Об этом же, вслед за своим учителем, писал Л. Витгенштейн: «"Я" — не наименование какой-то персоны, "здесь" — не название какого-нибудь места, "это" — не имя» (Витгенштейн, 1994: 207).

Интересна перекличка с идеями «буржуазного позитивиста» Б. Рассела по взглядах на сущность местоимений В. И. Ленина, который замечает в конспекте лекций Гегеля по истории философии (цит. по: Виноградов 1972: 260):

«("это"? Самое общее слово)

Кто *это*? Я. Все люди я. ...

Это есть *общее* etc. etc. "этот"?? Всякий есть "Этот"»

Таким образом, постулируется «номинативная пустота» местоимений, их готовность заполнить этот свой смысловой вакуум любым содержанием в зависимости от обстоятельств акта речи и намерений говорящего. Надо сказать, что такая точка зрения, наиболее распространенная в современной науке о языке, вызывала у ряда ученых определенные сомнения, некоторый исследовательский дискомфорт. Так, А. М. Пешковский отмечал, что в онтологическом плане местоимения, несмотря на широту субъективного применения, на меняющуюся предметную отнесенность, всегда обозначают «одно и то же» и притом «нечто такое, чего никаким другим словом не выразишь» (Пешковский, 1927: 81).

Ранее поиски констант в значении местоимений предпринимались неоднократно. Об этом писал, например, Г. П. Павский: «Местоимение не только не заменяет имени, но даже прямо противоположно ему. Имя, какое бы оно ни было, существительное, прилагательное или числительное прямо указывает на вещь или на ее качество и определительно именуется известное число и, следовательно, имеет в себе внутреннее содержание, наглядное, осязаемое, а местоимение служит только формой для умственного созерцания и *распределения вещей по категориям* (курсив наш. — Ю. В.). Так, например, под оглавление *кто, что* подходят все имена существительные, под оглавление *какой, чей* — все прилагательные, под оглавление *сколько...* или *который* — все числительные. Как номер или заглавие книги не может заступать место самой книги, так точно и местоимение не заступает места имени» (Павский, 1850: 240). К. С. Аксаков, также озабоченный проблемой собственного, а не привносимого актом речи наполнения местоимений, отмечал: «Природа имеет свое общее имя, это имя *он (-а, -о)*, все то, что существует вне *я* и вне *ты*» (Аксаков, 1875: 9).

Тонко проанализировав концепцию местоимений в русской грамматической традиции XIX века (и, конечно, дистанцировавшись от этой концепции, возможно, исходя не только из чисто научных соображений), В. В. Виноградов подводит такой итог: «В русской грамматике 40–50-х годов XIX в., отчасти опиравшейся на идеалистическую философию, местоимения становились семантической основой имен существительных и

прилагательных. ...На местоимениях иллюстрировались (например, Г. Павским и К. С. Аксаковым) "чистые идеи" предметности и качества... Личные местоимения рассматривались как источник **категорий** лица, предмета и рода (*он, она, оно*), как выражение акта человеческого самосознания, сознания *я* и противопоставления *я* и *не-я*» (Виноградов, 1972: 258). Итак, местоимения в этой концепции — это иллюстрации «чистых идей», источник категорий, открываемых осознающим и противопоставляющим себя миру «я». Понятно, что подобного рода воззрения не имели никакой перспективы развития в советском языкознании.

Впрочем, отголосками идеи о местоимении как о «языковом категоризаторе» можно, очевидно, считать признание у этого класса слов наличия не только собственно местоименных, но и так называемых тематических компонентов значения, например «предметность», «одушевленность», «мужской пол» и др. (см.: Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 294), а также прием прономинализации (местоименной субституции), используемый «как экспериментальный критерий при разбиении полнозначной лексики языка на крупные семантико-синтаксические "подклассы" слов» (Крылов, 1989: 12). Кажется, можно причислить прономинализацию к разновидностям суппозиций («подстановок») как одного из основных методов средневековой философии. Ю. С. Степанов пишет, что в рамках учения о суппозициях «решались — именно путем подстановок и извлечения следствий из подстановок — проблемы соотношения общих, единичных и собственных имен; глубинной семантики имен разного типа и т. п. ... суппозиции снова оказались в кругу интересов современной философии языка, когда она, отходя от формального синтаксиса, всю занялась семантикой» (Степанов, 1998: 609).

Эти и развивающие идею местоимений как смысловых исходов (см.: Воротников, 2011: 20–35) размышления позволяют сформулировать следующий итоговый вывод: трактовка местоимений как смысловых исходов и смысловой категории как совокупности устремленных к заданному местоимением исходному смыслу разноуровневых языковых средств является базой для целостного описания смыслового строя русского языка, которое может быть названо «Русской грамматикой смыслов».

Литература:

- Аксаков К. С. (1875) Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева // Аксаков К. С. Полн. собр. соч. Т. 2. Ч. 1. М.
Блумфилд Л. (1968) Язык. М.

- Виноградов В. В. (1972) Русский язык (грамматическое учение о слове) / 2-е изд. М.
- Витгенштейн Л. (1994) Философские работы. Ч. 1.
- Воротников Ю. Л. (2011) Категория меры признака в смысловом строе русского языка. М.
- Гумбольдт В. (1984) Избранные труды по языкознанию. М.
- Давыдов И. И. (1852) Опыт общесравнительной грамматики русского языка. СПб.
- Добиаш А. В. (1882) Синтаксис Аполлония Дискола. Киев.
- Исаченко А. В. (1965) О синтаксической природе местоимений // Проблемы современной филологии. М.
- Краткая русская грамматика (1989). М.
- Крылов С. А. (1984) Детерминация имен в русском языке: Теоретические проблемы // Семиотика и информатика. Вып. 23. М.
- Крылов С. А. (1989) О семантике местоименных слов и выражений // Русские местоимения: семантика и грамматика. Владимир.
- Павский Г. П. (1850) Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение 2. СПб.
- Падучева Е. В. (1985) Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.
- Пешковский А. М. (1927) Наш язык. М. ; Л. Ч. 3.
- Потебня А. А. (1888) Из записок по русской грамматике: Т. 1–2. Харьков.
- Рассел Б. (1957) Человеческое познание. Его сфера и границы. М.
- Степанов Ю. С. (1998) Язык и метод. К современной философии языка. М.
- Харрис З. С. (1962) Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 2. М.

Вл. А. Луков

ИДЕЯ КУЛЬТУРНОГО КАНОНА

Идея культурного канона (именно: русского) в ее прикладном значении стала актуальной в одночасье. Премьер-министр РФ В. В. Путин предложил сформировать список из 100 книг, определяющих отечественный «культурный канон», которые должен прочитать каждый выпускник школы. Упомянув аналогичный опыт в США, он высказал эту идею в своей статье «Россия: национальный вопрос», напечатанной в номере «Независимой газеты» от 23 января 2012 г. «В некоторых ведущих американских университетах в 20-е гг. прошлого века сложилось движение за изучение западного культурного канона. Каждый уважающий себя студент должен был прочитать 100 книг по специально сформированному списку. В некоторых университетах США эта традиция сохранилась и сегодня, — напомнил он. — Давайте проведем опрос наших культурных авторитетов и сформируем список 100 книг, которые

должен будет прочитать каждый выпускник российской школы. Не зубрить в школе, а именно самостоятельно прочитать. И давайте сделаем выпускным экзаменом сочинение на темы прочитанного. Или по крайней мере дадим молодым людям возможность проявить свои знания и свое мировоззрение на олимпиадах и конкурсах», — предложил премьер. По мнению В. Путина, образованию принадлежит «огромная роль» в деле укрепления национального «культурного кода». (Путин, 2012)

Председатель совета Российского гуманитарного научного фонда В. Н. Фридлянов предложил разработать вариант списка литературных произведений в соответствии с этой идеей.

Предлагаемый ниже вариант разработан коллективом Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета (руководитель группы — доктор филологических наук, профессор Вл. А. Луков; в работе участвовали: доктор философских наук, профессор Вал. А. Луков; доктор философии, кандидат филологических наук Н. В. Захаров; кандидат философских наук Б. Н. Гайдин; кандидат филологических наук К. Н. Кислицын).

Группа придала идее культурного канона теоретический смысл. Работа велась на основании общегуманитарного методологического тезаурусного подхода, развиваемого в ИФПИ МосГУ. Согласно этому подходу, тезаурус — это вся совокупность знаний, структурированная по основанию «свое» — «чужое» — чуждое»: «Тезаурус — форма существования гуманитарного знания, он *в слове и образе* воспроизводит *часть действительности, освоенную социальным субъектом (индивидом, группой)*» (Луков Вал. А., Луков Вл. А., 2008: 63).

Итак, тезаурус имеет определенную структуру, складывающуюся на субъективном основании: центр этой структуры — *свое*, а периферия — *чужое* (но не *чуждое*, которое тезаурусом не принимается). При составлении списка учтено то обстоятельство, что в культурном тезаурусе центральное место занимает *своя* литература, в данном случае — русская, периферийное место занимает *чужая* литература, в данном случае — зарубежная. Поэтому в перечне предусматриваются обзорные темы, знакомящие отечественного читателя с малоизвестными для него, но представляющими интерес для выработки «культурного кода» произведениями. Изучение процессов в русском культурном тезаурусе показало, что некоторые зарубежные писатели настолько были освоены в русском тезаурусе, что приобрели статус «русских зарубежных писателей».

Самый яркий пример — Шекспир. Значимые для русского «культурного кода» произведения зарубежных писателей составили 20% списка, при этом предпочтение отдавалось писателям, поэтам, чьи произведения перевели на русский язык выдающиеся русские писатели, поэты, переводчики. В ряде случаев выделены произведения, по объему не составляющие целую книгу. Это позволяет иметь запас при совершенствовании списка. Кроме того, 100 книг при объеме каждой примерно по 25 п. л. — слишком большой объем для чтения выпускника школы. Затраты времени на чтение такого объема — около 2500 часов. Если школьник будет добросовестно читать книги по списку (не во всем, как и было в замысле, совпадающий со школьной программой) по 2 часа в день, на освоение этого списка уйдет три с половиной года ежедневного чтения (это время только на чтение, без выделения времени на анализ). В список, соответствующий национальному «культурному коду», не попадают собственно развлекательные произведения, но школьники вряд ли откажутся обходиться в своем чтении литературы без них. Так что время на освоение 100 книг из списка еще более растягивается. Поэтому в списке используется следующее компромиссное решение: отдельная позиция (из 100 номеров) может выделяться по принципу книги, например: «93. Поэзия народов РФ и стран СНГ (в переводе ведущих русских поэтов)»; а может ограничиваться одним небольшим произведением, например: «16. Пушкин А. С. “Пиковая дама”». Это уже позволило более чем в два раза сократить совокупный объем литературы для чтения по списку.

Список сопоставлен с рядом аналогичных списков, составленных в зарубежных странах и у нас (например: 100 книг века по версии *Le Monde*, 1999; *Observer's Top-50*, 2003; *Newsweek's Top 100 Books: The Meta-List*, 2009; сайт «100 лучших книг всех времен», список по голосованию посетителей, составленный на февраль 2012 г.; и др.) и скорректирован с ними. Следует подчеркнуть, что в зарубежные списки из русских писателей попали только Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов, М. А. Булгаков, В. В. Набоков. В списках бестселлеров представлен и роман Н. А. Островского «Как закалялась сталь» (за счет тиражей в СССР). Известно, что в западном культурном тезаурусе (в «западном каноне») представлена т. н. «квадрига» русских писателей: Тургенев, Толстой, Достоевский, Чехов, в XX веке к ним добавилось пятое имя: Горький. В «русском каноне» эти писатели не могут быть представлены в меньшем объеме, чем на Западе. Но «русский канон» имеет свою очевидную специфику: он базируется не только на «квадриге», но прежде всего на творче-

стве Пушкина, к которому примыкают Лермонтов, Гоголь. Специальное место отводится в нем «Обломову» Гончарова, на другом полюсе — «Что делать?» Чернышевского. Полнота отечественного тезауруса, а значит — и «кода» учтена в разделе о литературе XX века, литературе СССР и зарубежья. Сопоставление с отечественными списками аналогичного содержания дало высокую степень совпадений интересов читателей и варианта «русского канона», предлагаемого ниже.

СПИСОК

1. «Повесть временных лет» (фрагменты в переводе на современный русский язык).
2. «Слово о полку Игореве» (в переводе на современный русский язык) и другие произведения древнерусской литературы (фрагменты в переводе на современный русский язык).
3. Русские былины («Илья Муромец и Калин-царь» и др.), народные песни и сказки.
4. Ломоносов М. В. «Ода на день восшествия на Всероссийский престол Ее Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года».
5. Русская литература XVIII века в образцах и фрагментах.
6. Карамзин Н. М. «История государства Российского» (фрагменты).
7. Крылов И. А. Басни («Ворона и Лисица», «Стрекоза и Муравей», «Волк и Ягненок», «Лебедь, Шука и Рак», «Слон и Моська» и др.).
8. Жуковский В. А. Баллады («Светлана», «Лесной Царь» и др.).
9. Грибоедов А. С. «Горе от ума».
10. Пушкин А. С. Стихотворения.
11. Пушкин А. С. «Борис Годунов».
12. Пушкин А. С. «Евгений Онегин».
13. Пушкин А. С. «Медный всадник» и другие поэмы.
14. Пушкин А. С. Сказки.
15. Пушкин А. С. «Повести Белкина».
16. Пушкин А. С. «Пиковая дама».
17. Пушкин А. С. «Капитанская дочка».
18. Пушкин А. С. Драматические произведения («Борис Годунов», «Маленькие трагедии»).
19. Тютчев Ф. И. Стихотворения.

20. Гоголь Н. В. «Вечера на хуторе близ Диканьки».
21. Гоголь Н. В. «Шинель».
22. Гоголь Н. В. «Ревизор».
23. Гоголь Н. В. «Мертвые души».
24. Лермонтов М. Ю. Стихотворения и поэмы («Песня про купца Калашникова», «Демон», «Мцыри»).
25. Лермонтов М. Ю. «Герой нашего времени».
26. Гончаров И. А. «Обломов».
27. Тургенев И. С. «Записки охотника».
28. Тургенев И. С. «Муму».
29. Тургенев И. С. «Дворянское гнездо».
30. Тургенев И. С. «Отцы и дети».
31. Некрасов Н. А. Стихотворения и поэмы («Мороз, Красный нос», «Крестьянские дети», «Русские женщины» и др.).
32. Достоевский Ф. М. «Преступление и наказание».
33. Достоевский Ф. М. «Идиот».
34. Достоевский Ф. М. «Братья Карамазовы».
35. Островский А. Н. «Гроза».
36. Островский А. Н. «Без вины виноватые».
37. Салтыков-Щедрин М. Е. Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил.
38. Чернышевский Н. Г. «Что делать?».
39. Толстой Л. Н. «Детство».
40. Толстой Л. Н. «Севастопольские рассказы».
41. Толстой Л. Н. «Война и мир».
42. Лесков Н. С. «Левша».
43. Гаршин В. М. «Сигнал».
44. Чехов А. П. «Чайка».
45. Чехов А. П. «Дядя Ваня».
46. Чехов А. П. «Три сестры».
47. Чехов А. П. «Вишневый сад».
48. Чехов А. П. Рассказы и повести («Толстый и тонкий», «Смерть чиновника», «Дом с мезонином», «Человек в футляре», «Ионыч», «Дама с собачкой»).
49. Стихи поэтов Серебряного века (Ахматова А., Бальмонт К., Белый А., Блок А., Брюсов В., Волошин, Гумилев Н., Мандельштам О., Пастернак Б., Северянин И., Хлебников В., Цветаева М. и другие поэты)
50. Маяковский В. В. Произведения (стихи, поэмы, «Клоп»).
51. Есенин С. А. Стихотворения и поэмы.

52. Горький А. М. Ранние произведения («Старуха Изергиль», «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике», «На дне» и др.).
53. Горький А. М. «Мать».
54. Горький А. М. «Детство».
55. Куприн А. И. «Гранатовый браслет».
56. Бунин И. А. Стихотворения.
57. Бунин И. А. Рассказы. («Антоновские яблоки», «Митина любовь», «Солнечный удар» и др.).
58. Замятин Е. И. «Мы».
59. Грин А. С. «Алые паруса».
60. Островский Н. А. «Как закалялась сталь».
61. Ильф И., Петров Е. «12 стульев».
62. Платонов А. П. «Чевенгур».
63. Булгаков М. А. «Мастер и Маргарита».
64. Литература русского зарубежья (старшее поколение первой волны эмиграции: Шмелев И., Ремизов А., Мережковский Д., Гиппиус З., Осоргин М., Зайцев Б. и др.).
65. Литература русского зарубежья (младшее, «незамеченное поколение» первой волны эмиграции: Набоков В., Газданов Г., Алданов М., Берберова Н. и др.).
66. Твардовский А. Т. «Василий Теркин».
67. Шолохов М. А. «Судьба человека».
68. Фадеев А. А. «Молодая гвардия».
69. Симонов К. М. «Живые и мертвые».
70. Васильев Б. Л. «А зори здесь тихие...».
71. Пастернак Б. Л. «Доктор Живаго».
72. Солженицын А. И. Произведения («Один день Ивана Денисовича», «В круге первом» и др.).
73. Распутин В. Произведения («Живи и помни», «Уроки французского» и др.).
74. Поэты-шестидесятники (Евтушенко Е., Ахмадулина Б., Вознесенский А., Бродский И., Окуджава Б., Рождественский Р., Высоцкий В. и др.).
75. Шукшин В. Рассказы.
76. Зиновьев А. А. «Глобальный человек».
77. Гранин Д. Произведения («Иду на грозу», «Эта странная жизнь»).
78. Драматургия (Арбузов А., Вампилов А., Володин А., Розов В.).

79. Детская литература (Толстой А. Н. «Золотой ключик, или Приключения Буратино», Гайдар А., Барто А., Чуковский К., Маршак С., Михалков С., Заходер Б.).

* * *

80. Гомер. «Илиада» (песни в переводе Н. И. Гнедича), «Одиссея» (песни в переводе В. А. Жуковского).

81. Еврипид. «Медея» (перевод И. Анненского).

82. Цицерон. Речи.

83. Данте. «Божественная комедия» («Ад», песни в переводе М. Л. Лозинского).

84. Шекспир У. «Ромео и Джульетта» (перевод Б. Л. Пастернака).

85. Шекспир У. «Гамлет» (перевод Б. Л. Пастернака).

86. Сервантес «Дон Кихот» (т. 1, в переводе Н. М. Любимова).

87. Мольер. «Тартюф»

88. Дефо Д. «Робинзон Крузо».

89. Гёте И. В. «Фауст» (перевод Б. Л. Пастернака).

90. Шиллер Ф. Баллады (в переводе В. А. Жуковского и других ведущих русских поэтов).

91. Европейская поэзия XVII–XIX веков (в переводе А. С. Пушкина и других ведущих русских поэтов).

92. Мировая поэзия XX — начала XXI века (в переводе ведущих русских поэтов).

93. Поэзия народов РФ и стран СНГ (в переводе ведущих русских поэтов).

94. Сказки писателей мира, популярные в России (Ш. Перро, братья Гримм, Г. Х. Андерсен, О. Уайльд, А. Сент-Экзюпери, А. Линдгрэн).

95. Верлен П. Стихотворения (в переводе В. Я. Брюсова).

96. Пруст М. «В поисках утраченного времени» («В сторону Свана», перевод Н. М. Любимова).

97. Кафка Ф. «Превращение», притчи.

98. Хемингуэй Э. «Старик и море».

99. Гарсиа Маркес Г. «Сто лет одиночества».

100. Знакомство с литературами стран Азии, Африки, Латинской Америки, Австралии (в том числе в переводе ведущих русских поэтов, писателей, переводчиков).

Надо заметить, что даже в составе участников данного проекта нет полного согласия по поводу включения список тех или иных произведений и авторов. Пока высказывается идея о культурном каноне, она представляется научному и образовательному сообществу не только привлекательной, но и вполне осуществимой. Но как дело доходит до списка конкретных произведений, начинает проявляться несходство тезаурусов, которые по необходимости несут на себе отпечаток как неоднозначности самого исторического развития России, так и различий в субъективном представлении участников социокультурного процесса о ценностной основе нашей жизни. Это делает задачу формирования культурного канона частью воспитательной деятельности на макро- и микросоциальном уровнях. Здесь обнаруживаются и трудности тезаурусного взаимодействия в казалось бы едином, а на самом деле имеющем лишь некоторое число точек соприкосновения культурном пространстве. Учитывая эти обстоятельства, можно с уверенностью утверждать, что теоретическое исследование идеи культурного канона и ее разработка в прикладном плане имеют большие перспективы.

Литература:

Луков Вал. А., Луков Вл. А. (2008) Тезаурусы : Субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса.

Путин В. В. (2012) Россия: Национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января.

Материалы Интернета.

Б. Н. Гайдин

ИДЕЯ КОНСТАНТ КУЛЬТУРЫ¹

В современной ситуации непростого и зачастую столь болезненного перехода многих стран мира от индустриального типа общества к информационному, философское осмысление элементов и различных механизмов культуры, которые обеспечивают, с одной стороны, культурогенез, а с другой, передачу новым поколениям культурного наследия,

¹ Статья выполнена в рамках проекта «Образ Гамлета как константа русской культуры», осуществляемого при поддержке РГНФ (№ 11-34-00221a1).

преемственность социокультурного процесса, представляется особенно актуальным. Среди стоящих перед человечеством глобальных угроз выделяется и проблема культурного кризиса, которая существенно изменилась со времен постановки этой проблемы как философской и социологической в XIX — начале XX века (Ф. Ницше, Г. Зиммель, З. Фрейд, П. Сорокин и др.) и обрела черты, выдвигающие ее на первый план при характеристике социальных изменений в «обществе риска» (У. Бек) или «обществе знаний» (Р. Лэйн, Н. Штер, М. Кастельс и др.). Одной из актуальных задач, которые стоят перед философией культуры в системе гуманитарных знаний, является обобщение источников, процессов и результатов трансляции культурно-исторического опыта (традиций, обычаев, образцов поведения и т. п.) от поколения к поколению, включения личности в различные практики инкультурации и т. д., с помощью которых происходит воспроизводство социума и сохраняется его культурная целостность.

В стремительно меняющемся мире традиционные институты социальной солидарности (семья, церковь и т. п.) теряют свое былое значение, некогда эффективные способы упорядочения социальных связей существенно трансформируются и, в конечном счете, вынуждают человека искать новые для него социокультурные ориентиры. Безусловно, это больше характерно для стран европейского типа и меньше для тех стран, где религия продолжает оказывать значительное влияние на все сферы жизни (главным образом, исламские государства Ближнего Востока, Центральной и Юго-Восточной Азии). Но глобализация, выходя за рамки собственно экономического процесса, все активнее влияет и на глубинные культурные основания обществ. Характерным для глобализирующегося мира становится снижение регулирующей роли традиции как на уровне макроструктур, так и в повседневной жизни индивидов, что имеет далеко идущие последствия для целостности национальных культур и поддержания менталитета народов. По Ю. Хабермасу, этот процесс возник еще в XIX веке, когда критика традиционного и превознесение новаций стали обычной практикой образованных слоев общества, соблюдение социальной и культурной нормы все более переводится в сферу индивидуального или группового выбора. Как следствие возросла степень вариативности поведенческих установок. В такой ситуации человек, не имея каких-либо внешних ограничителей, начинает выстраивать свою картину мира посредством произвольно выбираемых фундаментальных ценностных предпочтений. Мир, таким образом, воспринимается фрагментарно и избирательно. На этом фоне актуализиру-

ется, к примеру, «гамлетовский вопрос» «Быть или не быть?» (как и образ его носителя — шекспировского Гамлета) в совершенно новых ракурсах и в новом масштабе.

В XX — начале XXI века неизбежность для человека опираться на более чем сомнительный, самостоятельно сконструированный под влиянием множества противоречащих один другому импульсов жизненный план становится столь очевидной, что формируется встречное движение к национальной, религиозной, социальной, культурной солидарности, вновь возвращается интерес к устойчивым формам регуляции совместной жизни, обеспечивающим и устойчивую социокультурную идентичность.

Философская проблема противоречия между фрагментарностью воспринимаемого мира и снижением значения традиции, с одной стороны, и необходимостью поддержания устойчивости культурной основы общественной жизни, с другой, оказывается существенной для современного интеллектуального дискурса. В научном аспекте этот дискурс предполагает выявление особых элементов культуры, которые позволяют ориентироваться в окружающей действительности в условиях все возрастающей скорости перемен и перманентной дестабилизации социальной и культурной жизни. Именно в этом контексте актуальна разработка идеи констант культуры. Ее разработка способна внести ясность в механизмы передачи устойчивых оснований социокультурного опыта в ситуации, характеризующейся неопределенностью ценностно-нормативной регуляции.

В научном дискурсе понятие «константа» занимает видное место, может быть даже отнесено к центральным. В физике оно особенно значимо, так как целый ряд формулировок физических законов не может обойтись без констант как особых числовых множителей. Вероятно, первая из таких констант, выведенная еще древними учеными, — число π , получаемое в результате деления длины окружности на радиус (3,14...).

Термин «константа» предполагает нечто неизменное или, по крайней мере, мало изменяющиеся и, таким образом, соотносимое с вечным. Категория вечности получила свое осмысление в античной философии (Гераклит, Платон, стоики, гностики), хотя, безусловно, идея вечности обнаруживается и в более древней древнеегипетской культуре, в которой она была персонифицирована в виде божества Хега (имя переводится как «бесконечный»). Но именно в философских системах древнегреческих философов вечность получила собственно философское осмыс-

ление, когда постепенно начинается граница между неким мифическим временем («хронос») и вечностью как таковой («эон»). Только после этого возникли предпосылки для появления идеи о некоторых «вечных» и неизменных категориях — константах.

В дальнейшем ученые ввели достаточно большое, но в то же время обозримое число констант, обычно называемых по имени тех, кто их определил, и обозначаемых буквами греческого алфавита.

Однако константные соотношения существуют и в других видах. Например, теорема Пифагора (квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов) также устанавливает константное соотношение, одну из основ геометрии. Считается, что Леонардо да Винчи вывел другую константу, характерную уже не для мертвой природы, а для человека и его созданий — «золотое сечение» [число Фидия (ϕ)] математически выражающееся в виде дроби, возникающей при делении отрезка AC точкой B, $AB/BC=AC/AB$, приближенно равно $5/3$, точнее $8/5$, еще точнее $13/8$ и т. д. Полагают, что в научный обиход задолго до него этот термин ввел Пифагор. В диалоге «Тимей» (около 360 г. до н. э.) Платон рассуждает об эстетических и математических идеях пифагорейской школы. Первые из дошедших до нас античных произведений «золотое сечение» встречается в евклидовых «Началах» (3 в. до н. э.), однако уже древние египтяне использовали это константное соотношение, более того, оно было положено в основу древнеегипетского канона, на котором основана архитектура, скульптура, изобразительное искусство, иероглифика (см.: Померанцева, 1985: 113; Луков, Останин, 2005). Кроме Леонардо над вопросом «золотого сечения» работали Лука Пачоли («Божественная пропорция», 1509), Альбрехт Дюрер, Иоганн Кеплер, Адольф Цейзинг («Эстетические исследования», 1855) и др. (см., например: Бендুকидзе, 1973; Щетников, 2007; Лаврус, 2000). В XX веке выдающийся архитектор Ле Корбюзье положил его в основу модели новой архитектуры, названной им «модулар» (Ле Корбюзье, 1976).

Следует обратить внимание на то, что первоначально математические соотношения, выявленные древними, трактовались в мистикорелигиозном духе. Аналогично можно охарактеризовать пифагорейское учение о гармонии. Иоанн Стобей (Joannes Stobaeus), в чьем изложении известны взгляды Пифагора, писал: «О природе и гармонии следует мыслить так. Сущность вещей, будучи самой их вечной природой, подлежит не человеческому, а божественному ведению. Ибо ясно, что мы не могли бы познавать ничего из того, что есть и познается нами, если бы она [эта природа — гармония] не была внутренне присуща вещам, из

которых составлен мир, — предельным и беспредельным. А так как самые начала различны и разнородны, то невозможно, чтобы космический порядок был установлен ими без посредства гармонии, откуда бы она ни явилась. Ибо подобные и однородные элементы не нуждались бы в согласовании; различные же, разнородные по своей природе и направлениям должны быть по необходимости связаны такой гармонией, чтобы войти в космический порядок» (История эстетики, 1962: 80–81).

В Новое время, как принято считать, первым, кто сделал попытку объяснить термин «константа» в значении концепта культуры, при этом не употребляя это слово, был Г. В. Лейбниц (G. W. Leibniz, 1646–1716). В своих «Новых опытах о человеческом разумении» (1703–1704, опублик. 1765) он подвергает критике известный труд Дж. Локка (J. Locke, 1632–1704) «Опыт о человеческом разумении» (1690). В предисловии Лейбниц замечает, что его система значительно отличается от локковской системы, которая во многом строится на идеях Аристотеля. Он же в качестве основы для своих доводов использует идеи Платона и тех схоластиков, «которые толкуют соответствующим образом известное место в послании Св. Павла к римлянам (II, 15), где он говорит, что закон божий написан в сердцах» (Лейбниц, 1983: 48).

Книга построена в виде диалога между Филалетом [греч. «любящий Бога»] и Теофилом [греч. «друг (любитель) истины»], которые выражают точки зрения соответственно Локка и самого автора. Лейбниц формулирует идею, которая кардинально расходится с мнением Локка о том, что человеческая душа при рождении человека представляет собой «чистую доску» (“*tabula rasa*”), которая затем постепенно заполняется опытным путем. Лейбниц, напротив, доказывает, что душа изначально обладает неким набором понятий и принципов, который нельзя приобрести эмпирически: «Нематериальное существо, или дух, *не может быть лишено* всякого восприятия своего прошлого существования. У него остаются впечатления от всего, что с ним некогда случилось, и он обладает даже предчувствием всего, что с ним может случиться, но чувствования эти чаще всего слишком слабы, чтобы их можно было отличать и сознавать, хотя когда-нибудь они, может быть, и разовьются» (там же: 240). Философ выстраивает теорию бессознательных малых перцепций, под воздействием которых душа, обладая способностью к анализу, дает человеку возможность при необходимости постоянно уточнять значения тех или иных понятий. Таким образом, Лейбниц категорически не соглашается с Локком и доказывает, что в душе каждого новорожденного а priori существуют истины, принципы и понятия, на-

пример о ней самой, которые суть рациональны и позволяют духу выстраивать связи между явлениями: «...Если можно сказать о каком-нибудь отдельном предложении, что оно врожденное, то можно будет утверждать на том же основании, что все предложения, которые разумны и которые дух мог бы считать таковыми, уже заключены в душе» (там же: 78). Из этого вытекает утверждение Лейбница о полной познаваемости мира, которое кардинально расходится с мнением Локка о том, что миропорядок познаваем лишь частично (см.: Грицанов, 2002: 716–718).

Хотя Лейбниц и не использует само слово «константа», однако вполне очевидно, что его врожденные понятия-принципы, по сути, и являются некими постоянными концептами, которыми человек начинает оперировать с момента рождения.

Представители Баденской (Фрейбургской) школы неокантианства, выделяя номотетический и идиографический методы мышления и отдавая приоритет второму, сосредоточили свое внимание на изучении ценностей. В. Виндельбанд и Г. Риккерт также не используют термин «константа», однако, по существу, под ценностями они понимали некие «смыслы, которые лежат над бытием, не имея прямого отношения ни к объекту, ни к субъекту» (Иванов, электр. ресурс). Ценностно-теоретический критицизм (по классификации Т. К. Остеррайха) выдвинул идею о необходимости различения мира действительности и мира ценностей как «царства трансцендентного смысла» (там же). Развивая идеи В. Виндельбанда, Г. Риккерт приходит к выводу, что основная проблема философии и заключается в имеющемся противоречии между данными мирами. Философия культуры в понимании Г. Риккерта направлена на изучение смысла и ценностей жизни, т. е. на познание не сущего, а должного. Изучение ценностей в рамках неокантианства по своей сути являлось попыткой выявить некие элементы культуры, которые суть константны по своей природе.

Обосновывая право истории быть причисленной к «наукам о духе», Г. Риккерт отмечает, что историк хотя и производит некий отбор фактов, однако должен делать это, руководствуясь «культурной значимостью того, что составило “эмпирическую материю” исторического факта» (Зотов, 1998: 9). А культурная значимость в свою очередь определяется культурными ценностями.

Исходя из вышесказанного можно предположить, что под «трансцендентным должным» — «которое, являясь идеальной “нормой утверждения и отрицания”, должно быть достигнуто в суждении посредством

правильной связи формы и содержания» (Современная западная философия, 2009: 35) — можно понимать некий набор ценностей, которые существуют как бы вне бытия и константны по своей сущности. Ценности разума по своей сути являются константами культуры, на основе которых и строится культура как таковая: «Во всех явлениях культуры мы всегда найдем воплощение какой-нибудь признанной человеком *ценности*, ради которой эти явления или созданы, или, если они уже существовали раньше, взлелеяны человеком...» (Риккерт, 1998: 54).

При изучении истории развития идеи констант культуры необходимо обратиться и к трудам представителей «философии жизни» (В. Дильтея, Г. Зиммеля, О. Шпенглера). В частности, в данном аспекте интерес представляет то, каким образом они понимали художественный символ. Исходя из учения Гёте о прафеномене как первообразе, именно в нем они видели наиболее адекватную форму познания мира (Гайденко, электр. ресурс).

Г. Зиммель так рассуждал о философии И. В. Гёте: «Поскольку Гёте постигал мир как организм, он преодолевал рифы своего прежнего пантеизма следующим образом: абсолютное единство есть нечто совершенно недифференцированное, бесформенное, *вечно неизменное* (курсив мой. — *Б. Г.*); так же как множество органов, расходящееся в различных ответвлениях развитие живого существа не противоречит его единству, а соответствует ему, и *живой* мир может быть многообразно сформированным, бесконечно дифференцированным и все-таки *единым*, в себе неразделенным и неразделимым» (Зиммель, 1996: 260). Более того, размышляя о ходе истории и выявляя такие ее качества, как «рядоположенность и последовательность», философ высказывает мнение, что непрерывный ход истории не нарушается, а связь с прошлым не прерывается, поскольку «...отдельная форма жизни — социальной, литературной, религиозной, личностной — живет дольше, чем ее связь с отдельным содержанием и в неизменном виде придает себя также и новому содержанию; именно потому, что отдельное содержание способно сохранить свой неизменный сущностный состав в чередующихся одна другую форм» (Зиммель, 1996: 623).

Термин «константа» в философско-религиозном истолковании культуры использовал французский ученый, представитель неотомизма, один из крупнейших знатоков средневековой западноевропейской философии Этьен Жильсон (Étienne Gilson, 1884–1978) в своей книге «Лингвистика и философия. Эссе о философских константах языка» (Gilson, 1969). Однако, как замечает акад. Ю. С. Степанов, идея констант отчет-

ливо ощущается уже в более ранней работе Жильсона «История философии в средние века. От начал патристики до XIV в.» (1922).

Э. Жильсон был представителем течения аджорнаменто (итал. *aggiornamento* — «современивание, приведение в соответствие с настоящим днем»), т. е. выступал за то, чтобы теология (в данном случае католическая) была направлена на ассимиляцию новых философских идей. В ходе своих изысканий и умозаключений философ довольно часто оперирует и использует термин «константа», говоря о каких-либо постоянствах. Так, к примеру, в своем труде «Средневековая философия» он, рассуждая о роли понтификата Григория VII (а точнее о значении трудов прегригорианцев и григорианцев, соответственно подготовивших преобразования этого периода истории католической церкви и осуществивших их вероучительное доказательство), предполагает наличие следующей закономерности: *«для средневекового мыслителя государство находится в том же отношении к Церкви, в каком философия находится к теологии, а природа — к благодати»* (Жильсон, 2004: 192). И далее Жильсон замечает, что в эпоху Средневековья теологам-философам «обычно не составляло труда установить константу, определявшую их позицию по всей совокупности относящихся сюда вопросов» (там же). Именно поэтому ученый считает, что есть потенциальная возможность того, что может возникнуть идея осуществить попытку установить потенциальные *константы*, однако тут же оговаривается, что «каждый средневековый мыслитель — особая индивидуальность и его позиция характеризуется специфическими нюансами, которые историк обязан учитывать» (там же).

В дискурсе гуманитарных наук куда более часто термин «константа» не употребляется, однако подразумевается идея о константах культуры. Так, например, А. Ф. Лосев в своем труде «Эстетика Возрождения», рассуждая о неоплатонических основаниях эпохи Ренессанса, выявляет наиболее значимые культурно-эстетические тенденции, которые по своей сути неотделимы от той или иной константы культуры. Ученый под философией культуры понимал постановку и решение четырех проблем: 1) соотношение между собой «слоев исторического процесса»; 2) их отношение к «доминирующему первопринципу», который представляет собой «предельную обобщенность» данных слоев исторического континуума; 3) отношение первопринципа данной культуры к первопринципам других (по крайней мере, ближайших) культур; 4) каким образом следует трактовать слои, соотнесенные с их первопринципом (см.: Лосев, 1988: 233). Понимание же первопринципа культуры без изучения идеи ее констант представляется невозможным.

Один из наиболее фундаментальных трудов, которые затрагивают идею констант культуры, принадлежит акад. РАН Ю. С. Степанову. Он дает следующее определение этому понятию: «Константа в культуре — это концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время» (Степанов, 2004: 84). В свою очередь, под концептом понимается «основная ячейка культуры в ментальном мире человека», а также «сгусток культуры в сознании человека» (там же: 43). Таким образом, человек получает представление о культуре именно посредством концептов, сам становится ее частью и может оказывать на нее воздействие, привнося в нее какие-либо изменения. К примеру, концепт «коммунизм» — это весь набор ассоциаций, представлений, идей и т. п., которые возникают у носителя данной культуры при использовании слова «коммунизм». Главное отличие концептов от понятий заключается в том, что они «не только мыслятся, они переживаются» (там же).

Этот термин используется в математической логике, а теперь постепенно начинает входить в научный обиход не только среди культурологов, но и ученых из других сфер гуманитарного знания.

Также под «константой» Ю. С. Степанов понимает «некий постоянный принцип культуры». Например, таковым является принцип создания алфавитов (см.: Степанов, Проскурин, 1993). Очевидно, что то, каким образом построен алфавит языка, на котором говорит данный этнос, во многом определяет его культуру и менталитет.

Согласно Ю. С. Степанову, можно выделить «априорные (доопытные)» и «апостериорные (опытные, эмпирические)» концепты. Первые представляют собой «неотъемлемую принадлежность ума» (Степанов, 2004: 84), т. е. присущи человеческому мозгу изначально от природы. К примеру, большинство людей с самого рождения, если согласиться с доводами И. Канта и Г. В. Лейбница, осознают разницу между «множественностью» и «единичностью», им в той или иной степени ясен концепт «число». Некоторые ученые полагают, что к подобным концептам следует относить интенционалы (т. е. свойство предикатного выражения, например, «быть человеком»). Вторые входят в тезаурус человека постепенно в течение жизни [«Любовь» (см., например: Луков Вал. А., Луков Вл. А., 2006), «Надежда», «Вера», «Свои» — «Чужие», «Интеллигенция», «Грех» и т. д.].

Ученый далее отмечает, что, с одной стороны, вполне логично было бы предположить, что «абсолютными» константами могут быть названы исключительно концепты первого типа, однако, с другой, по его мнению, концепты второго типа также не являются «в своем ядре» ме-

нее постоянными. Именно по этой причине он подчеркивает, что все базовые концепты по существу проанализированы в его труде «Константы: Словарь русской культуры» как константы.

Таким образом, Ю. С. Степанов предлагает следующее определение культуры: «Культура — это совокупность концептов и отношений между ними, выражающихся в различных “рядах” (прежде всего в “эволюционных семиотических рядах”, а также в “парадигмах”, “стилях”, “изоглоссах”, “рангах”, “константах” и т. д.)» (Степанов, 2004: 40).

Большое значение для разработки теории констант культуры представляет концепция мировоззренческих универсалий культуры акад. В. С. Стёпина. Под этими категориями он предлагает понимать особые элементы, система которых и определяет картину мира каждого человека. Их можно разделить на два блока: к первому относятся те категории, в которых зафиксированы наиболее общие качества объектов («объектные категории»), которые получают преобразование в деятельности (время, пространство, качество, количество и т. д.); ко второму — те из них, с помощью которых человек может быть охарактеризован как субъект деятельности, т. е. в своих социальных отношениях (добро, красота, справедливость, долг и т. д.) (см.: Степин, 2000: 269–272).

В. С. Стёпин отмечает, что разным типам культур присущи как общие, так и специфические универсалии, состав которых в процессе развития человеческой деятельности может претерпевать изменения путем как появления новых категорий, так и обогащения содержания уже имеющихся. Таким образом, в каждом типе культур существует особый «строй категориального сознания». Причем для него характерно наличие как абсолютного и непреходящего, так и относительного и изменчивого (там же: 271).

Ученица известного отечественного культуролога Э. С. Маркаряна С. В. Лурье подробно рассматривает понятие «константа культуры». Исследовательница полагает, что человек осуществляет свою деятельность в окружающем его мире, оценивая и интенционально воспринимая его через некую призму — комплекс культурных констант. Таким образом, этот комплекс — «та призма, сквозь которую человек смотрит на мир, в котором должен действовать, основные парадигмы, определяющие возможность и условия действия человека в мире, вокруг которых выстраивается в его сознании вся структура бытия» (Лурье, 2005: 11).

С точки зрения С. В. Лурье, константы культуры подвигают людей на совершение поступков, определяют их направленность и «предопределяют наше восприятие мира» (там же). Она считает, что такая когни-

тивная схема изначально внелогична и иррациональна, являясь уникальной в каждой культуре. Однако может возникнуть «иллюзия объективности картины мира». Это, в свою очередь, объясняется тем, что данная внелогичность помогает человеку более комфортно адаптироваться в окружающей среде путем снижения ощущения противоречивости.

Интересно, что С. В. Лурье доказывает, мы никогда не осознаем константы культуры. Она полагает, что, если нашу картину мира можно подвергнуть критике, то константы культуры наоборот не поддаются суждению, поскольку мы их не видим: «они всегда всплывают лишь в виде представлений по поводу каких-то определенных проблем или объектов, то есть в форме максимально конкретизированной» (там же). Константы культуры могут проявляться очень разнообразными способами, поэтому выявить какую-либо конкретную закономерность достаточно трудно.

Итак, по С. В. Лурье, совокупность констант культуры — это «первичная формализованная модель действительности, <...> модель действия сообщества людей (образа “мы”) в мире» (там же), в котором люди ориентируются по определенной культурной парадигме.

Прослеживается следующий порядок движения представлений о константах: из синкретичности (первоначальной неразделенности) религиозного и научного аспектов формируются две ветви, одна — в сторону естественных наук с утратой религиозно-философского осмысления, другая — в сторону гуманитарного знания, где это осмысление сохраняется, но исчезает физико-математическая основа константности.

На данный момент истории сложилась следующая особенность констант: константы в естественно-научном знании имеют количественный и объективный характер; константы в гуманитарном знании (или константы культуры) имеют качественный и субъективный характер.

Можно ли говорить, что в культуре существуют какие-либо константы? С одной стороны, очевидно, что культура испытывает в той или иной степени постоянные трансформации своих составляющих. С другой стороны, в каждой культуре существуют некоторые основополагающие понятия, которые практически не подвергаются изменениям, а если это и происходит, то только за очень продолжительный период времени.

А. Тойнби замечал: «Каждое поколение, подобно карме, влачит на себе все то, что было содеяно предшественниками. Ни одно из поколений не начинает жизнь в условиях полной свободы, но начинает как узник прошлого» (Тойнби, 1996: 84). Этот закон жизни существует испокон веков, а его механизм дает молодым возможность приобрести необ-

ходимый жизненный опыт, а, с другой стороны, толкает их на поиск новых решений, если старое перестает удовлетворять их потребности.

Из разнообразных определений понятия «культура» очевидно, что для культуры является очень важным наличие традиции. Здесь можно привести высказывание Н. А. Бердяева о том, что «благородство всякой истинной культуры определяется тем, что культура есть культ предков, почитание могил и памятников, связь сынов с отцами. Культура основана на священном предании. И чем древнее культура, тем она значительнее и прекраснее» (Бердяев, 1990: 558).

В 2002 г. к 70-летию Российского института культурологии вышел очередной, одиннадцатый, Ежегодник «Постижение культуры», который был полностью посвящен рассмотрению инновационного проекта словаря «Константы и концепты культурологии». В рамках научного семинара «Философские основания культурологии» стало очевидно, что для того, чтобы окончательно утвердить за культурологией роль особой метанауки, необходимо попытаться описать и построить парадигму взаимодействия между герменевтически-гуманистическим и конструктивно-антропологическим подходами. Таким образом, встает задача разрешить теоретические вопросы таких терминов, как «инвариант», «концепт», «константа» (см.: Постижение культуры, 2002). Было предложено рабочее определение, согласно которому «константами в культурах являются некоторые параметры, определяющие возможность наличия человека как существа, стремящегося к истине, обладающего знанием добра и чувством красоты» (Румянцев, 2002: 6).

Если взять за основу позицию основателя немецкого экзистенциализма М. Хайдеггера о том, что существование есть познание человеком мира, следует также отметить, что «константы могут применяться, лишь разуниверсализируясь через их концептуализацию (в этом смысле субъективацию)» (там же). Это, в свою очередь, говорит о том, что константы суть продукты разнообразных способов реализации культурных инвариант [т. е. необходимых условий для существования возможности целеполагания для индивидуума (см.: там же)]. Далее следует принципиальный для нашего исследования тезис о том, что в каждой культуре будут свои уникальные представления о вышеуказанной триаде «истина — добро — красота». Таким образом, концепты (а следовательно, и константы) могут иметь существенные, подчас диаметрально противоположные признаки в разных культурных мирах и находиться как в ядре тезауруса носителя конкретной культуры, так и на его периферии.

Создание подобного словаря несомненно является важной вехой в развитии культурологии в целом и разработке теории констант культуры в частности.

При начале работы над любым словарем встает основополагающий вопрос того, что в него включать, по какому принципу строить в нем статьи и мн. др. Эти проблемы под силу решить только профессиональному коллективу авторов, являющихся специалистами в различных областях гуманитарного знания.

Представляется, что перспективным направлением в этой работе могла бы стать попытка выявить наиболее значимые константы для каждой культуры, т. е. устойчивые концепты, находящиеся в центре тезауруса большинства носителей данной культуры и несущие ее основополагающие ценности. Определение такого «набора» констант культур может внести значительную лепту в решение проблемы нахождения неизменных признаков конкретной культуры, а через них — дать возможность попытаться найти ее основополагающую «идею» и научно обосновать этот выбор. Ведь, как писал П. А. Сорокин, «каждая из больших культурных систем и суперсистем зиждется на какой-то основной предпосылке, получившей выражение в философском принципе, прасимволе или конечной ценности, который цивилизация порождает, развивает и реализует на протяжении своего жизненного пути во всех своих основных компонентах или подсистемах» (Сорокин, 1998: 48).

Говоря о русской культуре, по нашему мнению, можно выделить следующие характерные для нее константы: жизнь, смерть (см., например: Кабальнова, 2005), добро, красота, правда, земля, воля, соборность (см., например: Старыгина, 2003), удаль, житейский аскетизм (см., например: Эмирова, Бухараев, 2005).

В западноевропейской культуре часто выделяют такие константы как: разум (см., например, работы младшего брата Макса Вебера: Вебер, 1999), время, свобода, гуманизм, «воля к власти» (О. Шпенглер) и др.

Безусловно, что, несмотря на культурную специфичность концептов, они дают огромное поле для сопоставительных дискурсивных исследований, т. к. обладают универсальными основаниями (см.: Кашкин, 2005: 337–353; Карасик, 2004: 109–140).

Однако очевидно, что крайне важную роль должны сыграть исследования, целью которых является выделение центральных констант не только целых культурных этносов, но и конкретных социальных групп той или иной культуры.

Так, к примеру, С. Н. Булгаков, автор статьи «Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции)» в известном сборнике «Вехи», характеризуя качества русской интеллигенции, выделяет такие присущие ей «неизменные и отличительные особенности», как «неотмирность, эсхатологическая мечта о Граде Божьем, о грядущем царстве правды (под разными социалистическими псевдонимами) и затем стремление к спасению человечества», которые позволяют ей сохранить «в наиболее распознаваемой форме черты утраченной церковности» (Булгаков, 1991: 48). Таким образом, С. Н. Булгаков выделил некоторые константы русской культуры, более всего характерные для одной социальной общности — интеллигенции.

Очевидно, что бо́льшая часть (если не вся!) культурных констант отражена в искусстве как наиболее полном сосредоточии «тезаурусных механизмов стабилизации социодинамики культуры» (Луков, 2008: 17). Первостепенно значение в нем играет литература, поскольку она имеет словесно-письменную форму и дает человеку возможность открыть для себя что-то новое, причем то, что он чаще всего никогда не увидит собственными глазами в реальной жизни. Ни один другой вид искусства не способен в этом соревноваться с литературой.

Вл. А. Луков выделяет четыре качества литературы, которые и придают ей это особое положение среди остальных видов искусства:

1) уже упоминавшаяся выше *словесно-письменная форма* (литература дает возможность соединения системно-логической и художественной форм постижения всего многообразия мира);

2) *эффект виртуальности* (читатель способен ментально вообразить то, что может хорошо конкурировать как с реальным, так и ирреальным (сон) мирами по своему содержанию);

3) *эффект ментальности* (возможность фиксирования и передачи результатов мозговой деятельности, которые будут определены тезаурусом субъекта);

4) *эффект переводимости* (возможность частично или полностью сохранять содержание при трансляции в устной форме, переводе в код другого языка, постановке в театре, балете, опере, экранизации и т. п., а также в том или ином объеме передавать в словесной форме содержание других видов искусства) (там же: 19).

В литературе константами-инвариантами являются вечные образы, под которыми понимаются художественные образы, составляющие своеобразный «инвариантный арсенал художественного дискурса» (Луков, 2007: 44) писателей и поэтов.

В целом константа культуры может быть определена как элемент или феномен опоры культурного тезауруса (знак, понятие, концепт, образ, символ), имеющий качественную характеристику, легко приспособляемую к широкому спектру исторических ситуаций, и поэтому выступающий как остров стабильности в бурном море социокультурной динамики.

Применение теории констант культуры в образовательных программах может помочь учителю существенно активизировать процесс обучения, поскольку оно предполагает наличие принципа изучения от общего к частному. Таким образом, ученик, имеющий в багаже знаний некое общее представление о данной культуре (т. е. о культурных константах ментальности данного этноса), будет располагать большими возможностями для более глубокого понимания и осмысления уже конкретных культурных артефактов (см., например: Медкова, 2007: 10–11).

Изучение констант собственной культуры, как и констант культур других народов, является тем необходимым базисом для формирования полноценной личности учащегося, без которой, в свою очередь, невозможно развитие культуры. Акад. Д. С. Лихачев писал об этом: «Одним из важнейших свидетельств прогресса культуры является развитие понимания культурных ценностей прошлого и других национальностей, умение их беречь, накапливать, воспринимать их эстетическую ценность. Вся история развития человеческой культуры есть история не только созидания новых, но и обнаружения старых культурных ценностей» (Лихачев, 1979: 353).

Безусловно, разработка и внедрение различных образовательных курсов с использованием теории культурных констант имеет все шансы стать эффективным средством повышения интеллектуального уровня учащихся.

Таким образом, константы культуры — это концепты, которые выступают в роли ориентиров особого порядка и позволяют субъекту сохранить относительную стабильность своего тезауруса и сформировать собственную социокультурную картину мира (см.: Луков Вал. А., Луков Вл. А., 2008: 115–116). Иными словами, наличие констант культуры в тезаурусе как упорядоченной знаниевой системы субъекта придает ему необходимую степень устойчивости в многообразных связях различных уровней, дают возможность эффективнее ориентироваться в культуре Происходящего.

В качестве одних из наиболее перспективных для трансдисциплинарного анализа констант культуры следует назвать вечные образы, под

которыми мы понимаем константы-инварианты, представляющие собой художественные образы, широко используемые в искусстве и сохраняющие свою актуальность в разные исторические эпохи благодаря сочетанию смысловой емкости и неисчерпаемости, высокой духовно-эстетической ценности, поливалентности, особой степени целостности. Все эти качества позволяют им выполнять для субъекта ориентирующую функцию в социальной и культурной действительности (см., подробнее: Гайдин Б. Н., 2009а; Гайдин, 2009b: 34–51; Гайдин, 2011; Большакова, 2011).

Таким образом, идея констант культуры может помочь исследователям разработать необходимый теоретический инструментарий для исследования как отдельных социокультурных объектов, так и более широких процессов и проблем современности.

Литература:

- Бендукидзе А. Д. (1973) Золотое сечение // Квант. № 8. С. 22–27.
- Бердяев Н. А. (1990) Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии // Бердяев Н. А. Собр. соч. Париж : YMCA-Press. Т. 4. С. 252–596.
- Большакова А. Ю. (2011) «Вечные образы» // Большакова А. Ю. Архетип — миф — концепт (рубеж XX–XXI вв.). Теории архетипа. Ч. III / А. Ю. Большакова. Ульяновск : УлГТУ. С. 208–221.
- Булгаков С. Н. (1991) Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи. Интеллигенция в России : Сб. ст., 1909–1910 / Сост., коммент. Н. Казаковой М. : Молодая гвардия. С. 43–84.
- Вебер А. (1999) Избранное: Кризис европейской культуры. СПб.: Университетская книга.
- Гайденко П. П. Философия жизни [Электронный ресурс] // Большая советская энциклопедия в 30 т. URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Философия жизни/> (дата обращения: 11.02.2012).
- Гайдин Б. Н. (2009а) Вечные образы в системе констант культуры // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 224–230.
- Гайдин Б. Н. (2009b) Вечные образы как константы культуры (интерпретация «гамлетовского вопроса») : Дис. ... канд. филос. наук. М.
- Гайдин Б. Н. (2011) Вечные образы как константы культуры: тезаурусный анализ «гамлетовского вопроса»: Монография. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.
- Грицанов А. А. (2002) Новые опыты о человеческом разумении // История философии: Энциклопедия. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. (Мир энциклопедий). С. 716–718.
- Жильсон Э. (2004) Философия в средние века: От истоков патристики до конца XIV века. М. : Республика.
- Зиммель Г. (1996) Избранное. Том первый: Философия культуры. М. : Юристъ.
- Зотов А. Ф. (1998) Генрих Риккерт и неокантианское движение // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М. : Республика. С. 3–11.

Иванов А. Неокантианство [Электронный ресурс] // Онлайн-энциклопедия «Кругосвет». URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/filosofiya/NEOKANTIANSTVO.html (дата обращения: 11.02.2012).

История эстетики: Памятники мировой эстетической мысли (1962): В 5 т. М. : Изд-во Академии художеств СССР. Т. 1.

Кабальнова Е. И. (2005) Концепт «степь» в «Донских рассказах» М. А. Шолохова [Электронный ресурс] // «Подвиг обязан лихости казака, а богатство — его трудолюбию» : Интернет-конф. филиалов МГОПУ, посвященная 100-летию со дня рождения М. А. Шолохова. М. URL: <http://www.mgoru.ru/JOURNAL/CONF2005/kabalnova.htm> (дата обращения: 11.02.2012).

Карасик В. И. (2004) Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис.

Кашкин В. Б. (2005) Сопоставительные исследования дискурса // Концептуальное пространство языка. Тамбов: ТГУ. С. 337–353.

Лаврус В. (2000) Золотое сечение [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «Наука и техника». URL: <http://n-t.ru/tp/iz/zs.htm> (дата обращения: 11.02.2012).

Ле Корбюзье (1976) Модульор / Сокр. пер. с франц. М. : Стройиздат.

Лейбниц Г. В. (1983) Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии // Лейбниц Г. В. Сочинения: В 4 т. М. : Мысль. Т. 2. С. 47–545.

Лихачев Д. С. (1979) Поэтика древнерусской литературы. М. : Наука.

Лосев А. Ф. (1988) Дерзание духа. М. : Политиздат.

Луков Вал. А., Луков Вл. А. (2006) Любовь: константа тезаурусов мировой культуры // Тезаурусный анализ мировой культуры : Сб. науч. трудов. Вып. 3. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 3–14.

Луков Вал. А., Луков Вл. А. (2008) Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса.

Луков Вл. А. (2007) Гамлет: вечный образ и его хронотоп // Человек. № 3. С. 44–51.

Луков Вл. А. (2008) Культура и социум: Философские вопросы культурной социодинамики. М.

Луков Вл. А., Останин А. А. (2005) Дизайн: культурологическая интерпретация. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса.

Лурье С. В. (2005) Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. М. : Академический проект.

Медкова Е. (2007) Стандарты профильного уровня // Искусство. № 2 (362). 16–31 января. С. 10–11.

Померанцева Н. А. (1985) Эстетические основы искусства Древнего Египта. М. : Искусство.

Постижение культуры: концепции, дискуссии, диалоги (2002) : Ежегодник. Вып. 11 / М-во культуры РФ. Рос. ин-т культурологии. М.

Риккерт Г. (1998) Науки о природе и науки о культуре. М. : Республика.

Румянцев О. К. (2002) От редактора // Постижение культуры: концепции, дискуссии, диалоги: Ежегодник. Вып. 11 / М-во культуры РФ. Рос. ин-т культурологии. М. С. 4–6.

Современная западная философия: Энциклопедический словарь (2009) / Под ред. О. Хеффе, В. С. Малахова, В. П. Филатова при участии Т. А. Дмитриева. Ин-т философии. М. : Культурная революция.

Сорокин П. А. (1998) Общие принципы цивилизационной теории и ее критика // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. М. С. 47–53.

Старыгина А. В. (2003) Формы проявления соборности и эсхатологизма как черт русского национального сознания в литературе и фольклоре: Дис. ... канд. филос. наук. Барнаул.

Степанов Ю. С. (2004) Константы: Словарь русской культуры. М. : Академический проект.

Степанов Ю. С., Проскурин С. Г. (1993) Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. М. : Наука.

Степин В. С. (2000) Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция.

Тойнби А. (1996) Цивилизация перед судом истории. М.

Щетников А. И. (2007) Лука Пачоли и его трактат «О божественной пропорции» // Математическое образование. № 1 (41). С. 33–44.

Эмирова А., Бухараев Р. (2005) Куда летит татарская стрела? [Электронный ресурс] // Дикое поле. № 7. URL: http://www.dikoeполе.org/numbers_journal.php?id_txt=313 (дата обращения: 11.02.2012).

Gilson E. (1969) Linguistique et philosophie. Essai sur les constantes philosophiques du langage. P.: Librairie philosophique J. Vrin.

Л. П. Киященко,
П. Д. Тищенко

ИДЕЯ ГУМАНИТАРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ¹

Прелюдии

1. Формирование компетенций является одной из центральных задач современного образования. Успех в ее реализации зависит от того, насколько она (задача) интериоризирована студентом (слово «студент» мы используем в самом широком смысле). Интериоризация, в свою очередь, предполагает то обстоятельство, что студент становится субъектом образовательного процесса — процесса, предметом которого является он сам как образующийся. Или позволим выразиться иначе: он становится субъектом само-(из)-обретения. В этом слове за счет разбивки подчеркнута важная двусоставность образовательной компетенции, понимаемой как приобретение знаний и опыта, необходимых для эффективной деятельности в выбранной предметной области. В нашем случае — в сфере гуманитарных практик. Образование предстает, во-первых, как *обретение* природных *задатков*, присутствующих в каждом человеке как возможность, как предмет освоения и присвоения — превращения в собственное, свою «собь» — важнейший атрибут человека, или позволим неологизм — его особ(ь)енности. Вторым планом является инновационное, приноровленное к исторической ситуации *изобрете-*

ние свойств и качеств субъектности, лишь загаданных особенностями культуры и природы как обучающих сред.

2. И в педагогике, и в области биомедицины, человек, изобретая себя как самость (воплощенную предметность), одновременно обретает самого себя как субъекта направленной на себя деятельности. И совсем не только рука Господа Бога извне вылепливает человека из глины природных возможностей, а и он сам в отношении к себе является подобного рода рукой, которая так же в этом процессе и вылепливается, реализуя и проявляя свою природную заданность и культурную загаданность. Самоустремленность, которая, по Марксу, выступает отличительной чертой человеческого действия как такового, одновременно свидетельствует, что его чувственные качества (интеллект, слух, зрение, движения и т. д.) как природные возможности задают вектор в многомерном пространстве реализации процесса само-(из)-обретения.

3. Слово «матрица», удерживая полезные аттрактивные аллюзии названия известного фильма, вместе с тем указывает на смысл как начало, которое, в свою очередь, раскрывается в серии интервалов: искусства и техники, открытой структуры и процессуальности само-(из)-обретения как деятельности, идеального образца (интегрально понимаемой меры в уникальном человеке) и объективированного штампа (размерностью штамповки массового производства). Приведем свидетельство Википедии: «Матрица (от лат. *matrix*) — первопричина, материнская порода, связующая среда. Матрица — образец, модель, штамп, шаблон, форма, инструмент в серийном производстве объектов искусства и техники». Подчеркнем, что помеченные интервалы не только обозначают крайности антитетически противопоставленных качеств, но и указывают на ускользающую из опыта представления предметность, на эффекты становления, имманентно присущие деятельности причинения как таковой.

4. Безусловно, формирование гуманитарной компетентности в образовательном процессе многопланово. Поэтому мы сконцентрируем свое внимание на центральном аспекте — матрице, лежащей в основании различения в человеческом существе, вступающем в образовательный процесс *субъектности*, которая выступает как сложно организованная открытая структура, способная к саморазвитию через взаимодействие с образовательной средой и коррелятивно связанной с ней *предметности*.

И последнее уточнение. Вполне понимая рискованность подобного предприятия, все же позволим назвать конкретного носителя гумани-

тарной компетентности — гуманитарным экспертом, а его деятельность — гуманитарной экспертизой (в широком смысле).

Вы-ступление и его компетентность

Мы говорим о матрице как начале в том смысле, что, начиная говорить, чтобы сказать другому и/или мысленно сказать самому себе, нами всегда уже не только нечто наброшено по содержанию, но и намечены пути выявления всех последующих содержаний. Есть поза, настрой речи, семантика как бы общепонятных слов и ее (речи) структура. Компетентность, которую должен сделать *своей* студент, предполагает обретение навыка «зачинателя хоровода», инициатора возможных структур общения, а не только автора возможных сообщений. Приведем простой пример из каждодневности вы-ступлений.

Представим, что вам дают слово на собрании экспертов.

— Добрый день, коллеги!

Пауза, создающая максимум возможной тишины и внимания.

Прозвучавшее здесь и теперь *обращение* (жест) указывает на состоявшееся и предстоящее таинство *превращения (анафоры)* по случаю собравшихся людей — частных лиц, погруженных в многообразие жизненных забот, в особого рода общность — слушающую публику. И тех, кто вы-стывает, столь же частных лиц, столь же погруженных в жизненный мир озабоченности, — в авторов вы-ступления. Превращают случайную неструктурированную общность — в асимметрично организованную структуру, лежащую в основе коммуникаций (последующего изложения смысла), но самой коммуникацией не являющуюся. «Добрый день» — это обращение не несет никакой информации о сегодняшнем дне. Оно задает прото-структуру (матрицу) возможного общения. Это прото-стадия уже начавшегося общения, но еще без обобщения — без сообщения содержания, хотя уже в со-обществе друг с другом! Происходит, как сказал бы Л. С. Выготский, *общение без обобщения*. Компетентность студента-гуманитария невозможна без овладения и присвоения этого навыка.

Возникшая матрица возможного общения внутри себя имеет определенные характеристики.

а) Ее началом является «взятие слова» автором в ответ на предложение (предоставление) слова председательствующим. Ничего, кроме рутины ученого разговора, обычно в этом акте не различить. Однако обращение задает настроение последующего общения (мы обратились академично, полемично, иронично и т. д.). Еще ничего не высказано, но

сцена последующего действия уже создана. Слов нет, но уже звучит настраивающий интонирующий камертон. Возникает *общность по настроению*, которая предполагает явно и неявно сформулированные правила академического общения. Правила, следование которым включает в круг общения среди «своих», а нарушение — исключает, делает нарушителя маргиналом — «чужим». Речь интонирует экзистенцию. Студент, превращая принятую «академическую» речь в свою, преобразует в этом же действии самого себя. В интонировании предполагается (в нашем случае) горизонтальная структура матрицы порождения протообщности «публика — автор» в академическом общении равных (коллег). Так же как обращение пастора преобразует горизонтальное отношение граждан в асимметричную структуру, в которой есть исключительное место знающего истину поводыря и исключенное место незрячей паствы. Последнее не имеет непосредственного отношения к религии, поскольку в значительной степени характерно и для светских экспертных дискурсов в структурах «учитель — ученик».

б) Несмотря на различие практик, еще раз подчеркнем: общение начинается не с продумывания смысла, а с обращения — «мистической» процедуры зачина всех возможных в последующем сообщений. Эта компетенция формальна, она сводится к «банальным» процедурам давания и передачи слова, умения работать в профессиональном сообществе, адекватно выстраивать речь, соотнося с особыми компетенциями аудитории — исполняя ритуал для исполнения себя, выражения своих мыслей. Но она зачинает изначальное различие в процессе освоения «природного» существа студента и его преобразование в цивилизованного социального актора, гуманитарного эксперта. Конечно, подобная компетенция начинает формироваться не в вузе, а в первые годы школьного образования. Далее, на каждом этапе она усложняется. Умение слушать себя и другого — особая культурная компетенция, которая как социальная власть разворачивается в своей мощи в правовой сфере. Недаром судебное заседание называется «слушанием».

Обращение и слушание — наиболее фундаментальные процедуры овладения собой, освоения себя, формирования своей «собой». Нам представляется, что именно в освоении социальной жестикюляции, насущной для гуманитарного эксперта, происходит закладка оснований личностных тезаурусов, строящихся не по принципу движения от «общего к частному», а по принципу движения «от своего к чужому». (Луков Вал. А., Луков Вл. А., 2008: 64) Обращение и дар внимания как раз и образуют основу различения «свой — чужой» в экспертной речи.

Последующее овладение развитыми формами экспертной речи формирует компетенции студентов, структуры субъектности и коррелятивно связанные структуры предметности.

Герменевтика субъектности

Открывая рот или набирая текст на клавиатуре, мы не просто используем слова, но предоставляем себя во власть сложившегося языка конкретного сообщества. Языка, который как матрица — разворачивает перед нашей мыслью интервал между искусством выражения неповторимого и штамповкой общепонятных банальностей. Неважно, хотим ли мы высказать самое сокровенное, или напираем на общезначимость. Барт по этому поводу писал: «Парадоксальным образом, не вынося одиночества и решившись доверить «другим» свои, быть может, самые «сокровенные мысли и чувства», мы тем самым отдаем себя во власть системы языковых «общих мест», «топосов», начиная микротопосами фонетического или лексического порядка и кончая так называемыми «типами дискурса» (Барт, 1989: 26).

Овладение различными типами дискурса, которое приводит к возникновению экспертного тезауруса, имеет вполне определенную логическую форму или даже формулу.

Логической формулой наших рассуждений может стать следующая *структура субъектности гуманитарного эксперта*: отстраненный субъект, множественная субъективность и участный субъект. В нарративном представлении для себя и другого эта структура доопределяется соотношением автора, героя и свидетеля. Элементы структуры мы будем называть *позициями* или *ипостасями*, для того чтобы сразу отклонить в сторону представления о них как о «частях» некоторого целого. В своей целокупности формула может дать ответ на вопрос: «Кто (из)обретает себя как компетентного субъекта и, в случае успеха, в качестве эксперта гуманитарной экспертизы, свидетельствует об этом?»

Нетрудно заметить, что описанная структура перекликается со сложившимся в отечественной философии науки истолкованием современности как постнеклассики. В принципе она (формула субъектности) соответствует структуре отношений классического, неклассического и постнеклассического субъекта, но, с нашей точки зрения, — точнее, поскольку с самого начал вносит содержательную квалификацию и, что более важно, *указывает на определенную независимость экспертной субъектности от непосредственной связи с естественно-научным ра-*

ционализмом. Субъектом гуманитарной экспертизы может быть не только ученый, но и богослов, политик, активист общественной организации и просто «человек с улицы», поскольку каждый из них играет значимую роль для гуманитарной экспертизы социального агента.

Дадим содержательную квалификацию ипостасей субъектности.

Отношение между ипостасями не образует логической структуры типа отношений рода и вида или отношения, обозначавшегося в марксистской диалектике как всеобщее — особенное — единичное. Метафора, которая, по П. Рикеру, позволяет в мысли удержать гетерогенность бытия и его атрибутов, более адекватна (Рикер, 1990). Поэтому мы воспользуемся вариациями смысловых тропов нескольких метафор, каждая из которых позволяет выразить свой аспект герменевтики субъектности.

В первом плане экспертная субъектность предстает как своеобразное 3D-изображение, в котором ипостаси образуют координаты трехмерного пространства, а сама субъектность — виртуальный эффект, проецируемый в среду живого человеческого общения. Эксперт, которого мы видим на экране телевизора, в судебном процессе или на заседании комиссии воплощает в некотором конкретном человеке его виртуальную экспертную самость, экспертное «Я», к которому мы обращаемся, чей голос слышим и которому приписываем то или иное суждение.

В другом плане — три ипостаси, в их многообразии уточняющих квалификаций (о них речь пойдет ниже), выступают как своеобразные «кадры», которые в зависимости от особенностей монтажа могут дать различные, соотнесенные с ситуацией эффекты содержательного наполнения субъектности эксперта. Это заполнение выступает так же двупланово. Со стороны заложенного экспертами смысла оно предстает как нечто целостное. Однако для другого, исходящего из иной перспективы восприятия (эффект «внезапности другого», по М. М. Бахтину), результат монтажа имманентно не завершен и поэтому требует активного соучастия (соавторства) «зрителя» или «читателя».

В третьем (метафорическом) плане ипостаси отстраненного субъекта, множественной субъективности и участного субъекта образуют своеобразные поверхности ленты Мебиуса. Поэтому речь идет об открытой структуре замкнутого цикла, в том смысле, что, как и типы рационализма, члены этой формулы не образуют ступени некоего временного или логического восхождения (неважно, восхождения от абстрактного к конкретному или от конкретного к абстрактному), т. е. не образуют фигур снятия в линейной иерархии. Они *со-гласно* доопределяют друг друга по известной богословской формуле — неслиянно и нераз-

дельно, перепроверяя и выступая основанием друг для друга. Динамика ипостасей субъектности гуманитарного эксперта напоминает движение по ленте Мебиуса, включающее эффекты трансгрессии, неконтролируемого и непредсказуемого перехода с одной на другую сторону. С внешней стороны как явленного (обосновываемого) ленты на внутреннюю — к основаниям (обосновывающим), не всегда представленным в очевидности. В этих качествах попеременно могут выступать любые две составляющие через третью (промежуточную) как границу разделения и сличения (соединения). Например, в антитезе отстраненного субъекта и множественной субъективности своеобразным «включенным третьим», «связующей средой», через которую они соотносятся, оказывается причастный субъект.

Тройной структуре субъектности экспертного опыта вполне соответствует тройная структура его (опыта) различенности на субъектность и предметность. Она описывается нами в категориях единого и многого.

Матрица субъектно-предметностного различения

Представим соответствующую субъектности формулу предметности, имея в виду, что идеальный процесс образования должен быть построен таким образом, чтобы для студентов он был процессом деятельностного конституирования предметности как внешней, так и самих себя. В этом смысле полезно истолкование идеи предмета по Хайдеггеру, которое потом было обыграно Мишелем Фуко в зачине книги «Слова и вещи». Напомним, у Фуко речь идет о картине Веласкеса «Менины», изображающей художника, изображающего невидимую для зрителя модель, расположенную именно в той точке, в которой с необходимостью оказывается сам этот зритель в момент созерцания картины (Фуко, 1987). «[С]оставляя себе... картину, человек и самого себя выводит на сцену, т. е. в открытый круг общедоступной и всеоткрытой представленности. Тем самым человек сам себя выставляет как ту сцену, на которой сущее должно впредь представлять, показывать себя, т. е. быть картиной. Человек становится репрезентантом сущего, в смысле опредмеченного» (Хайдеггер, 1993: 50). Подчеркнем, поскольку промах в данном аспекте истолкования фатален, — человек выставляет себя как сцену не просто в качестве эмпирического существа, а в статусе самости — субъекта. Формирование компетентности субъектности тем самым оказывается сложным процессом само-(из)-обретения студента как возникшей предметности. Его способности к само-различению на субъекта и осмысляемую предметность эмпирического ин-

дивида (Киященко, 2000). Как можно увидеть, позиции субъектности эксперта-гуманитария, по сути, скоррелированы (уравновешены) с соответствующими конфигурациями предметности.

Отстраненному субъекту знания и опыта соответствует традиционная идея *единства многообразного*. Она предполагает воплощенное, опредмеченное в дисциплинарных технологиях знание о предмете образования. Эти технологии имеют по большому счету манипулятивный характер, исповедующий принцип «знание — сила». Как уже отмечалось, отстраненный субъект коррелятивно связан с субъектом классического рационализма. Напомним наиболее существенные черты последнего. Предполагается, что познающий субъект дистанцирован от предмета как объекта и со стороны познает мир. Условием истинности и объективности выступает элиминация из используемых им описаний и объяснений всего того, что понимается в качестве субъективных аспектов познавательной деятельности (неважно, является ли она научной, религиозной или любой иной). Например, наука изучает «первичные качества» тел (объективные) и абстрагируется от «вторичных качеств» (субъективных). Поэтому научное описание «объективно в той мере, в которой из него исключен наблюдатель, а само описание произведено из точки, лежащей вне мира, т. е. с божественной точки зрения, с самого начала доступной человеческой душе, сотворенной по образу Бога» (Пригожин, Стенгерс, 1986: 98).

Перспектива «божественного» наблюдателя характерна для отстраненного субъекта как такового и не является монополией науки. Когда, например, богослов описывает и оценивает некоторую ситуацию в качестве эксперта со своей профессионально определенной точки зрения, он занимает аналогичную классическому субъекту отстраненную позицию. Более того, самое первоначальное представление происходящего в мысленных проговорах «про себя» или перед лицом другого осуществляется в форме рассказа о событиях, разворачивающихся где-то вне рассказчика как автора. Для того чтобы понимать *нечто*, мы должны отстраниться, встать в сторону и извне взглянуть на события жизненного мира. В этом смысл ипостаси классической субъективности (субъекта) гуманитарного эксперта.

Учет включенности в ситуацию, который выражается в повествовательной форме как рассказ о себе как герое (участнике) некоторого развития событий, создает ипостась множественной субъективности.

Множественной субъективности адекватна идея предметности как *многообразия единств* (Киященко, Тищенко, 2004). Эта предмет-

ность не дана в чистом виде как некоторое *есть*, но лишь как *возможность* быть представленной так или иначе в зависимости от «точки зрения» той или иной теории, использованного языка, предрассудков повседневности, культурных ценностей эпохи и т. д. По своей сути она коррелирует с неклассическим субъектом в научном рационализме, признающем относительность описаний объекта от средств наблюдения и ответственность за тот особый вид, в котором предметность предстает в его опыте. Он понимает, судит, умозаключает не отстраненно, но осознавая свою заинтересованную включенность в описываемые события. Экспликация (описание) этих средств и операций выступает условием получения истинного знания о конструированном предмете. Указание на *особенность точки зрения (релятивность) является условием объективности суждений ученого*. Более того, суждения приобретают оттенок субъективизма и релятивизма «в дурном смысле» именно тогда, когда то, что наблюдается с *особой точки зрения* и выражается в *языке особого* философского, богословского или научного теоретизирования, проецируется на *мир в целом*. *Субъективность, которую классическая рациональность всячески исключала, оказывается условием понимания объективности*. Метод ее конструктивного присутствия не объяснение, а понимание — истолкование результата как своеобразного «текста». Возникает мощная тенденция к историзации знания и мира, которая за счет коммуникативных стратегий научного сообщества удерживает *множественность* представлений единства и истины. Семинары, конференции, совместные коллективные труды — все это своеобразные «форумы полемоса», которые удерживают общность, не давая одного на всех обобщения.

Неклассический стиль, пронизывая все сферы современной жизни, формирует принципиально важную ипостась экспертной субъектности гуманитарной компетентности. Каждый участвующий в гуманитарной экспертизе должен отдавать отчет в особенности своей точки зрения, ее зависимости от общекультурного контекста, сферы профессиональной деятельности, опыта и других особенных контекстных условий опыта. От имени одной на всех истины ни один из экспертов выступать не может.

Множественность экспертных представлений о любом предмете является не результатом слабости экспертов, пытающихся осмыслить данное обстоятельство, а результатом множественности эмпирических «инструментов» наблюдения и языков теоретических интерпретаций. В контексте неклассической рациональности мы можем говорить не о

единстве многообразного, а о многообразии единств, которые связываются (сочетаются и различаются) не на уровне объективной картины мира, а на уровне коммуникативной жизни конкретного научного и иного сообщества, образующей представления о предмете решаемой проблемы.

Однако, опыт множественной субъективности не так невинен. Коллективная ответственность, если она в случае социальной распределенности производства знания не персонифицирована, грозит безмерной и безличной безответственностью. За признанием множественности идей истины, добра и красоты маячит угроза анархического произвола, хаоса и дурно понимаемого релятивизма. Хорошо размышлять о множественности и релятивности знаний, но в жизни все может оказаться не так комфортно. Как, например, увязать релятивность истины и доброкачественность гуманитарной экспертизы, от которой могут зависеть судьбы многих людей?

Ответом на вызов множественности, с нашей точки зрения, является позиция *участного субъекта*, соответствующая субъекту постнеклассической научной рациональности. Предметность участного субъекта категориально осмысливается в виде *лично удостоверенного единства, или единства на основании аттестации* (Рикер, 2008: 32–43). Аттестация в отличие от научного свидетельства, основанного на понимании истины, предполагает последнюю, но в пределе строится на ответственном заключении в ситуации неполноты, множественности и неопределенности знания. Она включает не только процедуры объяснения и понимания, но и интуицию, опыт эксперта. В конечном счете весомость экспертного заключения базируется не только на продемонстрированной очевидности результата, но и на *доверии* к эксперту, его профессиональном статусе и престиже — его компетентности.

В матрице гуманитарной компетентности происходит реинкарнация классической отстраненной субъектности, видящей предметность в категориях единства многообразного. Однако это возвращение личностно акцентуированное, персонифицированное. Г. Л. Тульчинский пишет: «Возможность гуманитарного знания основана на единстве и универсальности духа. Другой разговор, что единый и универсальный дух проявляется через конкретную личность, занимающую конкретную и уникальную позицию в мире. Но, впрочем, и в *science* единый и целостный мир открывается в каких-то приближениях, с каких-то позиций исследования» (Тульчинский, электр. ресурс). На месте всеобщего анонимного единого мы видим опыт единства, *основанием* которого выступает от-

ответственный поступок уникального человека. Его онтологический статус мы именуем единством множественности единств. Как наблюдатель он вновь противостоит миру в целом, но это противостояние не анонимное, а, выражаясь языком М. М. Бахтина, участное, мы добавим — и ответственное перед самим собой, и не только.

Так же как и в постнеклассическом рационализме, объективные описания и теоретические построения соотносятся для участной субъектности не только со средствами (приборами, методами, языком, традицией и т. д.), но и с ценностно-целевыми структурами деятельности. Для участной субъектности характерен особого рода синкретизм. Дело в том, что незавершенный в историческом плане проект модерна (Ю. Хабермас) предполагал дифференциацию синкретического знания, представленного прежде всего в категориях религиозного сознания, на науку, этику и искусство (Хабермас, 2003). Современная эпоха продуцирует новую идею синкретичного познания; идею, в которой множественность и различенность отчужденных друг от друга форм духовного опыта не снимаются в единстве (например, философского самосознания или особого рода теоретизирования), а сохраняются в динамике диалогических (коммуникативных) взаимодействий, включая взаимодействия между социогуманитарными и естественно-научными формами познания.

Постлюдия

В своих рассуждениях о матрице субъект-предметного различения в образовании гуманитарной компетентности мы начали путь мысли от ипостаси анонимного всеобщего субъекта, близкой с субъектностью классического рационализма. Ее коррелятом выступила предметность, понимаемая как единство многообразия представлений. Следующим шагом была выявлена множественная ипостась субъектности, погруженная в контекстуальные особенности и инструментальные обстоятельства познавательной деятельности. Эта множественная субъективность имеет своим коррелятом представление о предмете как множестве единств. В заключительных рассуждениях мы перешли к ипостаси участного субъекта, ответственной и уникальной личности, которая в соответствии со своей предметной компетентностью дает меру и единство миру в ответственном поступке выборе себя и другого (иного, чужого, близкого и далекого во времени и пространстве) через единство множественности единств. Можно сказать и так: компетентность возни-

кает как неповторимое и всякий раз заново (в зависимости от случая, дающего ей проявиться) сочетание различных вариаций субъектности и предметности. Компетентность — живое детище матрицы — дает возможность творчески продлиться субъектности, оставляя в пространстве предметности вехи своего присутствия во времени.

В этой ситуации предоставим слово французскому философу Ж. Л. Нанси: «Высказывание «Человек есть мера всех вещей» получило новый, чрезмерный смысл: вместо того чтобы все привязывать к человеку как заурядному эталону и нестойкому остатку, этот смысл привязывает самого человека к глубине ответственности» (Нанси, 2004: 266). Он продолжает: «Эта ответственность не имеет определенной меры (числовой), поскольку вопрос не в том, сколько людей земля — или вселенная — может вместить, но о каких людях идет речь, о каких существованиях. Число здесь немедленно преобразует свою величину в величину моральную: размер человечества становится неотделим от его достоинства» (там же: 267). Не случайно В. С. Степин считает, что постнеклассическая рациональность имеет дело прежде всего с человекомерными предметами.

Компетентность гуманитарного эксперта и есть форма, в которой человек как личность возвращается в первоначально отчужденный от его присутствия мир, причем возвращается как ответственно поступающая личность.

Литература:

- Барт Р. (1989) Избранные работы. Семиотика, поэтика. М.
- Киященко Л. П. (2000) В поисках исчезающей предметности (очерки о синергетике языка). М.
- Киященко Л. П., Тищенко П. Д. (2004) Философия трансдисциплинарности как опыт практического философствования // Практична філософія. Киев. № 2. С. 11–20; № 3. С. 179–198.
- Луков Вал. А., Луков Вл. А. (2008) Тезаурусы. Субъектная организация гуманитарного знания. М.
- Нанси Ж.-Л. (2004) Бытие единичное множественное. Минск.
- Пригожин И., Стенгерс И. (1986) Порядок из хаоса : Новый диалог человека с природой. М.
- Рикер П. (2008) Я-сам как другой. М.
- Рикер Р. (1990) Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры. М.
- Тульчинский Л. Г. Гуманитарная экспертиза как социальная технология [Электр. ресурс] // Экзистенциальная и гуманистическая психология. URL: <http://hpsy.ru/public/x2871.htm> (дата обращения: 28.01.2012).
- Хабермас Ю. (2003) Философский дискурс о модерне. М.
- Фуко М. (1987) Слова и вещи / пер. Н. С. Автономовой, В. П. Визгина. М.
- Хайдеггер М. (1993) Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие / пер. В. В. Бибихина. М.

*С. В. Луков,
Э. К. Погорский*

ИДЕЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА²

В области изучения образования в последние десятилетия произошли заметные изменения, позволяющие сделать новые акценты. Еще недавно образование (если иметь в виду общую тенденцию, образовательную парадигму) рассматривалось в ключе проблем его содержания, форм, методов преподавания, при этом подразумевалось, что речь идет о некоем «образовании вообще», образовании в его едином объеме, построенным по единым принципам, стандартам (просто где-то образовательный идеал был достигнут в большей степени, а где-то — в меньшей). Ныне складывается новая образовательная парадигма, в которой большую роль начинает играть идея пространства образования.

Это изменение не возникло внутри науки, оно было вызвано самой жизнью. Наибольшее значение при этом имело возникновение Болонского процесса в том его аспекте, в котором в нем сказалась реакция на американизацию высшего образования и сознательная борьба за европейское пространство.

Создание европейского пространства высшего образования и связанные с этим процессом реформы образовательных систем в странах Европы отразили цели сохранения гуманистических, социальных и культурных ценностей, но в не меньшей степени стали ответом на сложные экономические и финансовые проблемы, с которыми столкнулась Европа в последние десятилетия XX века, а именно значительное снижение уровня квалифицированной рабочей силы и сокращение государственного финансирования образования (Галаган, Прянишникова, 2004). Заложенные в Болонской декларации идеи в дальнейшем получили закрепление прежде всего в прагматическом аспекте, связанном с интересами солидарного экономического развития определенных групп европейских стран. Так, в Послании съезда высших учебных заведений в Саламанке (2000 г.) принципы развития классических университетов как важнейших составляющих единой европейской и национальных образовательных систем выводятся из того, что «студентам нужны такие квалификации, которые они могут эффективно использовать для дальней-

² Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 11-33-00229a1).

шего обучения или трудоустройства по всей Европе. Университеты, их объединения и организации понимают свою миссию и принимают на себя ответственность за это и подтверждают свое стремление строить соответствующую работу в рамках автономии» (Борисов, Трофимов, 2004).

Россия присоединилась к Болонскому процессу, признавая себя европейской страной и ощущая отставание в некоторых важных для экономического развития вопросах готовности кадров. Ей оказалось ближе европейское образовательное пространство, а не американское (и его азиатские аналоги, сформировавшие пространство образования Южной Кореи, Гонконга, Сингапура и т. д.). В частности, к признакам главных вызовов (проблем), стоящих перед российским образованием в период формирования единого европейского образовательного пространства, эксперты Федерального агентства по образованию и Национального фонда подготовки кадров отнесли: инерционность восприятия рынком труда степени бакалавра; неготовность части российской высшей школы выступать равноправным партнером в программах мобильности (недостаточное финансирование, слабое знание иностранных языков); излишнюю регламентацию — недостаточную гибкость и адаптивность учебных программ; неготовность многих вузов к формированию новых компетенций выпускников, направленных на мобильность в рынке труда; и др. (Болонский процесс, 2006). В этом разнокалиберном перечне проблем проявляется озабоченность не столько содержанием российского высшего образования как такового, сколько его применение к задачам трудоустройства выпускников российских вузов в европейских странах. Этот уклон модернизации российской высшей школы получил критическую оценку в образовательном сообществе, в частности — на международных научных конференциях «Высшее образование для XXI века» (2004–2010 гг., 2011 г.: «Образование для XXI века»).

Болонский процесс вновь широко обсуждается в научных и образовательных сообществах России. Важная причина этого — переход руководства страны от заявлений о вхождении в единое Европейское пространство высшего образования на основе принципов Болонской декларации к конкретным действиям по преобразованию сложившейся на протяжении трех последних веков российской системы высшего образования. Разворачивается работа по приведению российской системы обеспечения качества в соответствие со «Стандартами и руководствами по гарантии качества высшего образования в Европейском пространстве» (Болонский процесс, 2006). И сами действия руководства,

исходящие из безусловной позитивности Болонского процесса, и критика их со стороны видных деятелей общественного образования выявляют наряду с экономическими, правовыми, узкопрофессиональными аспектами аспекты социокультурные, которые в данном случае могут быть осмыслены через применение тезаурусного подхода к анализу культурных явлений и процессов.

Тезаурусный подход как методологическая основа исследований в гуманитарной сфере, развивающая концептуальный тезис о субъектной организации гуманитарного знания (Луков Вал. А., Луков Вл. А., 2008), эффективно может применяться для анализа образовательной деятельности, ее институциональных оснований и содержательных трансформаций (Высшее образование и гуманитарное знание в XXI веке, 2009). Это касается и идеи образовательного пространства, которое «тезаурусно».

Особенность тезаурусов, как показано в трудах представителей названного подхода, состоит в том, что будучи объективно неполным и противоречивым, состав знаний и установок, составляющих тезаурус человека или той или иной социальной (социокультурной) общности, субъективно представляется именно полным и непротиворечивым. Он выступает во взаимодействии с другими тезаурусами как целостность. Это положение продуктивно для анализа мировой культуры в аспекте рассмотрения содержания образовательных программ по таким вузовским курсам, как история философии, зарубежная литература и т. д. Но по нашему мнению, масштабы применения тезаурусного подхода в явлениям культуры могут быть расширены за пределы отдельных профессиональных отраслей, а сам этот подход может применяться к процессам интеграции/дифференциации обширных культурных ареалов. Болонский процесс в этом отношении дает пример, а, возможно, и задает модели анализа.

Прежде всего важно в Болонских соглашениях, а по сути во всех документах 1990-х — 2000-х годов, закрепляющих линию на интеграцию европейского образовательного пространства, увидеть ее прагматическую составляющую на уровне социокультурных ареалов, а именно ее *анти-американизм*. В этом ключе может быть прочитана дискуссия о том, надо ли трактовать образование как общественное благо или как товар массового потребления (commodity). Характерно, что трактовка образования как товара поддержана небольшим числом стран, и из 144 государств — членов ВТО, присоединившихся к ГАТС (Генеральное соглашение по торговле услугами — General Agreement on Trade in Services, GATS), лишь 21 страна приняла в качестве предмета соглашения высшее образование, при-

чем ряд из них фактически не имеет своей самостоятельной системы высшей школы (Knight, 2002: 10). К 30 июня 2002 г., финальной дате представления предложений по торговле образовательными услугами стран — членов ВТО, их представили только Австралия, Новая Зеландия, США и Япония, т. е. страны (кроме Японии), реализующие американскую стратегию в сфере образования. В предложениях США откровенно фиксируется интерес к торговле образовательными услугами как к сфере успешного бизнеса американских производителей таких услуг при снятии всяких ограничений, вытекающих из монополии государства на деятельность в сфере образования. Официальная позиция Австралии также состоит в утверждении коммерческих начал в высшей школе: чтобы выжить и процветать в быстро меняющемся мире, утверждал еще в конце 1990-х годов министр образования А. Ванстоун, университеты должны войти в рынок и стать ориентированными на потребителя бизнес-структурами (Curtie, 1998). Эта позиция закреплена с 1 сентября 2007 г. нормой законодательства, согласно которой иностранные студенты, прошедшие обучение в австралийском университете в течение двух лет и отработавших один год по окончании университета по полученной специальности, получают приоритетное право получения гражданства Австралии (Некоторые мысли..., 2010).

Преобразование образования в сферу коммерции отвергается многими странами на государственном уровне, она воспринимается как подрывающая академические свободы среди деятелей образования, в США в том числе. В контраргументах нередко уверенно звучит нота внеэкономических оснований противодействия американизму в сфере высшего образования (следует учитывать, что ГАСТ не распространяется на начальную и среднюю общеобразовательную школу). Так, в официальных кругах Франции еще в конце 1990-х годов четко проводилась линия на противодействие предложениям США о включении образования в состав предмета ГАТС именно на том основании, что, по словам тогдашнего министра образования Франции Клода Аллегре, результатом распространения американских учебных программ в Европе высшему образованию европейских стран может стать господство американских ценностей, а внедрение американских университетов по всему миру станет катастрофой; не допустить ее позволит сохранение в странах Европы национальной специфики их образовательных систем, включая свободное государственное высшее образование (Allegre, 1999).

Подход Франции в вопросе о применении рыночных отношений в сфере образования, с одной стороны, как неизбежной для общества с рыночной экономикой реальности, но с другой, как такого обстоятель-

ства, которое не должно определять горизонты общества и из средства общественного развития превращаться в его цель, вносит в дискуссию об образовании как общественном благе vs товаре важный аспект: ценностная сторона образования в конечном счете должна быть приоритетной в информационном обществе. Не случайно большинство развитых стран сохраняют ограничения на импорт образовательных услуг, оставляя известную свободу для их предоставления только на основе частного финансирования (Анализ рисков..., 2007: 69). Защитную роль в этом играет и Болонский процесс.

Но это значит, что «болонизация» образования, какой она становится в России, идет по пути, прямо противоположному замыслу Болонских соглашений. Болонская декларация реализует идею защиты традиционных ценностей образования от экспансии американской экономики, которая в общем-то протаскивает в Европу американские образовательные программы не столько из-за уверенности в их содержательном превосходстве, сколько в силу того, что это просто удобнее для бизнес-структур. Сохранение культурной идентичности в образовательной системе той или иной страны, поддержавшей Болонский процесс, столь же важно, как и интеграция перед лицом внешней угрозы.

Здесь и возникает противоречие Болонского процесса как социальной технологии, состоящее в том, что интеграция образовательных систем, построенная на признании равнозначности образовательных программ разных стран, исходя из сопоставления количества зачетных единиц (кредитов), наталкивается на ценностный барьер, особенно в области гуманитарного знания. Сопоставимость образования, полученного в разных странах, становится фикцией, поскольку при сравнении аттестатов не учитывается феномен ценностного конструирования действительности. В этом случае, видимо, не преодолевается и опасность для европейской культуры американизации, которую стремится преодолеть Болонский процесс.

Если вести анализ в духе тезаурусного подхода, то становится ясно, что любая знаниевая система тезаурусна, т. е. выстроена на основании разделения *своего* и *чужого* как первичной ячейки картины мира. В гуманитарном знании это обстоятельство особенно заметно влияет на то, что же становится содержанием полученного образования. Российский выпускник социологического факультета и одновременно выпущенный социолог из университета Великобритании или Финляндии, получившие образование в одной области знания, найдут при встрече общий язык и все же не будут говорить на одном языке: их высшее про-

фессиональное образование различается принципиально не только тем, что программы одних и тех же учебных курсов различались по материалу и способу освоения даже там, где дидактические единицы совпадали. Различался социокультурный контекст этого освоения, менталитет, принятые в обществе ценности и нормы, специфика организационной культуры и многое другое. При этом, в силу специфики тезаурусного освоения мира, полученное знание воспринимается его носителем как целостное — полное и непротиворечивое, даже если оно, как говорилось выше, в принципе не может быть полным и непротиворечивым. Но это означает, что и добавленное через систему образования новыми фрагментами, привнесенными из иной культурной среды (например, из Америки), итоговое знание также будет восприниматься его носителем как полное и непротиворечивое.

Из этого следует, что антиамериканизм Болонского процесса на ментальном уровне не имеет перспективы реализоваться через обеспечение формальной унификации образовательных стандартов в пределах единого Европейского пространства высшего образования. Автономность такого пространства невозможно обеспечить иначе как установлением «железного занавеса», но для стран, где принято придерживаться идеи свободы личности и свободы познавательной деятельности, это неприемлемый путь. Барьер возникает не на институциональном уровне, а на уровне индивидуального тезауруса: освоенное знание теряет признаки чуждости независимо от источника его получения. Становясь *своим*, оно встраивается в картину мира и систему ценностей человека как равноправный с другими *своими* элемент.

Болонский процесс как реакция на американизацию высшего образования может дать более или менее заметные результаты в решении вопросов европейской экономики, но не в когнитивной сфере. В культурной сфере он открывает возможности для *диалога культур*, который только в небольшой степени нуждается в сопоставимости культурных феноменов, их сходстве, сродстве. Напротив, диалог культур предполагает действия по принципу дополнительности и не принуждает участников этой формы взаимодействия уничтожить присущее им своеобразие в угоду другой стороне, которая, может быть, в этом совсем не нуждается.

Идея образовательного пространства придает философский характер таким широко распространенным в обыденном сознании и в прикладных исследованиях понятиям, как «американизация», «болонизация» и т. д. и требует пристального изучения российского образовательного пространства в тезаурусном ключе.

Литература:

Анализ рисков и потенциальных возможностей российского образования в условиях присоединения к ВТО (2007) / Е. М. Горбунова, М. В. Ларионова, Т. А. Мешкова и др. М. : Издат. дом «ГУ ВШЭ».

Болонский процесс (2006): Материалы для составления Национального доклада 2005–2007 гг. / Федеральное агентство по образованию; Нац. фонд подготовки кадров. М.

Борисов И. И., Трофимов В. П. (2004) Университет и общеевропейское образовательное пространство // Вестник Самарского государственного университета, серия «Проблемы высшего образования». №1 // URL: <http://ssu.samara.ru/~vestnik/est/>

Высшее образование и гуманитарное знание в XXI веке (2009): Монография-доклад ИФПИ МосГУ VI Междунар. конференции «Высшее образование для XXI века» (Москва, МосГУ, 19–21 ноября 2009 г.) / под общ. ред. Вал. А. Лукова и Вл. А. Лукова. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та.

Галаган А. И., Прянишникова О. Д. (2004) Интегрируется ли Россия в Европейскую зону высшего образования: проблемы и перспективы Болонского процесса // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 4. С. 219–238.

Луков Вал. А., Луков Вл. А. (2008) Тезаурусы : Субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса.

Некоторые мысли «вслух» по поводу систем высшего образования (систем обучения) России и Австралии. (2010) [Электр ресурс] // Alliance Group. URL: <http://immi-to-australia.com/edu11.shtml> (дата обращения: 28.01.2012)

Allegre C. (1999) French Education Minister Warns Against Spread of American Programs to Europe // Chronicle of Higher Education. 1999, December 10.

Currie J. (1998) Globalization practices and the Professorate in Anglo-Pacific and North America Universities // Comparative Education rev. Oxford, 1998. Vol. 42, № 7. P. 15–29.

Knight J. (2002) Trade in Higher Education Services : The Implication of GATS // The Observation on Borderless of Higher Education. London.

Н. В. Захаров,

Вл. А. Луков

ИДЕЯ РУССКОГО ШЕКСПИРИЗМА³

В последнее время усилилось внимание культурологов, литературоведов к той области гуманитарного знания, которой издавна занимались представители сравнительно-исторического метода, пришедшего из языкознания, где его основали Франц Бопп, Расмус Раск, братья Гримм, Александр Востоков; в литературоведении он был утверждён Теодором Бенфеєм в его «теории заимствований», изложенной в 1859 г., позже

³ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 2011-04-12064в Информационно-исследовательская база данных «Современники Шекспира: электронное научное издание»).

развит Гастоном Парисом и особенно Александром Н. Веселовским (см.: Веселовский, 2006; Шайтанов, 2007), в настоящее время достиг расцвета под названием «компаративистика». Именно этот научный метод утвердил представление о литературном влиянии: читая и изучая тексты предшественников, следующие за ними авторы используют (нередко бессознательно) поразившие их образы, сюжеты, принципы, приемы, отдельные фразы и слова и т. д. Влияние может оказывать также фольклор, весьма привлекательным может стать исследование влияния других искусств, философских учений, наук (истории, психологии, этнографии, в отдельных жанрах — естественных наук, техники, например, в научной фантастике), журналистики, новых технических средств (например, глобальных систем коммуникации). Этот взгляд на формирование новых произведений стал определяющим в постмодернизме с его учением об интертексте и интертекстуальности как фундаментальном свойстве текстов литературы (см.: Федотов, 2008).

Иная трактовка вытекает из тезаурусного подхода (см.: Луков Вал. А., Луков Вл. А., 2008). Она может быть продемонстрирована на примере укоренения Шекспира в русской культурной почве, приведшего к возникновению особой формы культа Шекспира — русского шекспиризма.

Шекспир стал для человечества той «путеводной звездой», по которой до сих пор сверяют развитие европейской культуры, в которой его творчество стало своеобразным водоразделом. До Шекспира человек, познавая мир в художественном творчестве, как правило, отражал какую-то одну из сторон его жизни, светлую или темную — в зависимости от задач. Шекспир изображал жизнь и человека в многообразных и разносторонних проявлениях. Его равно влекло к высокому и низменному, смешному и страшному, что выразилось в поэтике, в смешении комедийного и трагического, стиха и прозы. Шекспир изменил понимание человека, его видение обрело многогранность, объем, полутона, цвет и звук одновременно. Шекспир нашел ключ к человеческому сердцу, и, кажется, это удалось ему лучше предшественников и последователей. Его пьесы живут в театральных и кинопостановках (даже в мультипликации), их переводят на другие языки, издают и переиздают многомиллионными тиражами. В этом смысле он действительно самый успешный писатель и драматург, равно принадлежащий всему миру и, конечно же, его англоязычной части. Значительными тиражами ежегодно издаются исследования, посвященные жизни и творчеству Шекспира, истории и теории ренессансного театра, исторической эпохе времен правления

Елизаветы I и Якова I. Сегодня наследие Шекспира обстоятельно изучают филологи, философы, историки, искусствоведы и культурологи. В отечественной культуре подобную степень углубления в изучение творчества писателя можно наблюдать лишь в пушкиноведении. Впрочем, несмотря на то, что пушкинская эпоха оставила гораздо больше исторических документов, писем, свидетельств современников, объем исследовательских работ не сопоставим с той, что посвящена британскому гению.

Пьесы Шекспира стали своеобразным эталоном художественного мастерства. Вдохновленные самой жизнью, они существенно отличались от того, что делали удачливые современники в период рассвета английского театра Елизаветинской эпохи. Его хроники дали новое понимание истории, пьесы — оригинальную концепцию страстей и характеров, которая не зависела от канонов античного театра, от условностей трех единств средневековых нормативных поэтик, драмы — оригинальную концепцию человека и человечества. Его сонеты — интимные диалоги героев, которые и по сей день являются наивысшими образцами лирической поэзии.

В творчестве Шекспира во всей противоречивой полноте отразилась сама сущность человека с его великими и низкими страстями, красота и уродство, светлое и мрачное, святость и порочность, добродетель и изощренное зло. Характеры его героев, похоже, сотканы из противоречий. Таковым был внутренний мир и самого мастера. Только истинный гуманист, находивший в духовном мире людей пищу для своих творений, мог создать такой полный мир, изобразить весь спектр человеческих страстей: верность и легкомыслие в любви, измену и предательство в политике, ненависть, хладнокровный расчет, иступленное безумие, ревность, слепую ярость, мщение, зависть и великодушное прощение, ханжество и распутство, стяжательство и сребролюбие, благородную щедрость — все переплелось в этом клубке человеческих страстей, придавало его пьесам огромный масштаб.

В основе ренессансной культуры лежала идея *humanitas*, согласно которой все проявления человеческой природы (натуры) должны изучаться, а достоинства и таланты развиваться в людях до возможного предела. У Шекспира гуманистический идеал отразился в знаменитой речи Гамлета во втором Акте: «Какое чудо природы человек! Как благородно рассуждает! С какими безграничными способностями! Как точен и поразителен по складу и движеньям! Поступками как близок к ангелам! Почти равен Богу — разумением! Краса вселенной! Венец всего живущего! А что мне эта

квинтэссенция праха? Мужчины не занимают меня и женщины тоже, как ни оспаривают это ваши улыбки» (Shakespeare, 1990: 995; пер. Б. Пастернака). Похоже, эти слова принца повторяют «Речь о достоинстве Человека» («De hominis dignitate», 1486) итальянского гуманиста Джованни Пико делла Мирандолы (1463–1494), которая начинается словами: «Я прочитал, уважаемые отцы, в писаниях арабов, что, когда спросили Абдаллу Сарацина, что кажется ему самым удивительным в мире, он ответил: ничего нет более замечательного, чем человек» (Эстетика Ренессанса, 1981: 248; полный текст: Mirandola, 1942).

Впрочем, ко времени Шекспира получил развитие и скептический взгляд на гуманизм, который подчеркивал ограниченность человеческого знания. Так, французский гуманист Мишель Монтень (1533–1592), который в не меньшей степени интересовался изучением человеческого опыта, нежели ранние гуманисты, не приемлет тезис о «богоравном человеке» своих предшественников, скорее в силу того, что судьбой ему было уготовано стать свидетелем «кровопролитий, нелепых предрассудков, бесконечных интриг и зверств, учиняемых венцом творения» (Эстетика Ренессанса, 1981: 439). Рациональный скептик Монтень утверждал, что мир человеческого опыта — это мир кажущийся, что люди не должны надеяться на то, что познают нечто большее, нежели то, что кажется нам в «реалиях», скрытых за ними. Человек может только приблизиться к истине, но не познать ее до конца. При этом все должно подвергаться анализу разума, но и при этом необходимо помнить о его несовершенстве. Не случайно основной предмет размышлений Монтеня лежит в русле философии морали, в кругу проблем свободы личности, которая может выразиться в независимых суждениях человека. Монтень показал недолговечность всего внешнего, что окружает человека в жизни: обычаи, религия, государство — все имеет преходящий характер. Куда важнее для Монтеня внутренний мир личности, причем не столько поступки, сколько мысли и чувства — сама суть духовного бытия человека.

Подобный скептицизм свойствен и Гамлету, который остро переживает несправедность и несправедливость мира («Время вывихнуло сустав», — I, 5, пер. М. Лозинского), а художественная реальность пьесы такова, что ни принц, ни зритель никогда не узнают полной правды о случившемся. Пьеса отражает сложность познания истины человеком, его стремление и приближение к познанию, выяснение виновности или невиновности других, постижение их чувств и мыслей, их здравомыслия или безумия. Мир других людей — мир кажущегося, а «Гамлет» — пьеса о сложности бытия человека в таком мире.

Особое признание Шекспир получил в России. Творческое наследие великого английского драматурга стало неотъемлемой частью русской духовной жизни. Многочисленные свидетельства этому обнаруживаются в высказываниях крупнейших русских писателей. Так, Достоевский в статье «Книжность и грамотность» (1861) отмечал, что Шекспир, как и Шиллер, «вошел в плоть и кровь русского общества <...>. Мы воспитались на нем, он нам родной и во многом отразился на нашем развитии» (Достоевский, 1993: 102). В своей речи к празднованию 300-летнего юбилея Шекспира И. С. Тургенев отмечал: «Мы, русские, празднуем память Шекспира, и мы имеем право ее праздновать. Для нас Шекспир не одно только громкое, яркое имя, которому поклоняются те лишь изредка и издали, он сделался нашим достоянием, он вошел в нашу плоть и кровь. Ступайте в театр, когда даются его пьесы (заметим мимоходом, что только в Германии и в России они не сходят с репертуара), — ступайте в театр, пробегите все ряды собравшейся толпы, приглядитесь к лицам, прислушайтесь к суждениям — и вы убедитесь, что перед вашими глазами совершается живое, тесное общение поэта с его слушателями, что каждому знакомы и дороги созданные им образы, понятны и близки мудрые и правдивые слова, вытекшие из сокровищницы его всеобъемлющей души! Или образ Гамлета не ближе, не понятнее нам, чем французам, скажем более — чем англичанам? Не соединилось ли для нас навсегда с этим образом воспоминание о величайшем русском — именно русском актере, Мочалове? Не приветствуем ли мы с особенным участием каждую попытку передать нам шекспировские творения нашими родными звуками? И, наконец, может ли не существовать особой близости и связи между беспощаднейшим и, как старец Лир, всепрощающим сердцеведцем, между поэтом, более всех и глубже всех проникнувшим в тайны жизни, и народом, главная отличительная черта которого до сих пор состоит в почти беспримерной жажде самосознания, в неутомимом изучении самого себя, — народом, так же не щадящим собственных слабостей, как и прощающим их у других, — народом, наконец, не боящимся выводить эти самые слабости на свет божий, как и Шекспир не страшится выносить темные стороны души на свет поэтической правды, на тот свет, который в одно и то же время и озаряет и очищает их?» (Тургенев, 1968: 50).

Активное освоение русской литературой шекспировского творчества приходится на конец XVIII — первую половину XIX века. Первое упоминание имени Шекспира на русской почве принадлежит А. П. Сумарокову, который в «Эпистоле II (о стихотворстве)» (1748) называл Шекспира среди других великих писателей прошлого: «Мильтон и

Шекеспир, хотя непросвещенный». Его упрек Шекспиру в непросвещенности характерен для классицистов. В примечаниях к Эпистоле Сумароков сообщал русскому читателю: «Шекеспир, аглинский трагик и комик, в котором и очень худого, и чрезвычайно хорошего очень много. Умер 23 дня апреля, в 1616 году, на 53 века своего» (Сумароков, 1957: 129).

Впрочем, если быть точным, следует отметить косвенное упоминание Шекспира еще в 1731 г. В переводе LXI разговора из I части Спектатора упоминаются «преизрядные Гамлетовы и Отелоновы комедии». В данном случае мы имеем дело с курьезом: авторами неких «преизрядных» комедий ошибочно названы Гамлет и Отелон. Упоминание героев Шекспира в качестве драматических авторов скорее свидетельствует не только об ошибках перевода, но и о том, насколько малоизвестным в те далекие времена был британский гений для просвещенной русской публики и для переводчика, перепутавшего названия шекспировских пьес с их автором (см.: Левин, 1990). Тем более любопытно, что Шекспиру понадобилось совсем не так уж много времени, чтобы утвердиться в русской культуре.

Опубликованный в 1748 г. «Гамлет» Сумарокова (Сумароков, 1748) является скорее оригинальным произведением по мотивам пьесы Шекспира, нежели ее переводом. Тем не менее, сам Сумароков счел необходимым отметить следование первоисточнику в двух эпизодах: «“Гамлет” мой, кроме монолога в окончании третьего действия и Клавдиева на колени падения, на Шекспирову трагедию едва ли походит» (Сумароков, 1782: 117). Несмотря на то, что в первом русском «Гамлете» осталось ничтожно мало от шекспировского оригинала и после этого неуклюжего дебюта интерес к Шекспиру в России затих почти на четверть века, в целом пьеса А. П. Сумарокова оказала положительное влияние на формирование в русском обществе европейского взгляда на театральное искусство. Тем более симптоматично, что появление в русской культуре таких явлений, как «русский Шекспир» и «русский Гамлет», датируются одним и тем же годом. Шекспир стал для русских самым близким зарубежным автором, а «вечный образ» Гамлет («вечные образы» выступают как культурные константы, см.: Гайдин, 2008) и одноименная трагедия едва ли не самыми русским по духу произведениями, созданными в рамках чужой культурной традиции (подробнее: Луков Вл. А., Захаров, Гайдин, 2007).

Во второй половине XVIII столетия творчество Шекспира стало играть все более заметную роль в русской культуре и находило поклонников не только в среде придворных писателей, но и среди монархов. Достаточно вспомнить придававшую огромное значение просветительской

роли театра Екатерину II, неоднократно в своем литературном творчестве обращавшуюся к вольному переложению текстов Шекспира (Екатерина II, 1786, 1901; см.: Лебедев, 1878; Стенник, 1981: 99–101).

Говоря о вхождении Шекспира в русскую культуру, нельзя обойти вниманием прозаический перевод «Юлия Цезаря», выполненный «придворным историографом» Н. М. Карамзиным в 1787 г. Это был первый «настоящий» перевод с подлинника, который уже только этим обстоятельством опередил свое время, когда общей практикой было пользоваться французскими или немецкими переводами Шекспира в создании русского текста. Впрочем, перевод Карамзина не встретил положительного отклика у читателей, а в 1794 г. и вовсе был запрещен цензурой, как принято считать, в связи с политическими аллюзиями. Похоже, и сам Карамзин не рассчитывал на успех и предвидел подобную судьбу своего перевода. Неспроста он предпочел издать его анонимно (см.: Сакулин, 1929; Захаров, 2009а, 2009b, 2011).

Вначале ранние сведения о Шекспире попадали в Россию в основном через французскую и немецкую печать, и даже в первые десятилетия XIX века некоторые переводы выполнялись с французских адаптаций Ж. Ф. Дюсиса (или Дюси, Ducis), например, «Леар» в переводе Н. И. Гнедича (1808). В том же 1808 г. И. А. Вельяминов перевел на русский язык «Отелло», а в 1811 г. С. И. Висковатов перевел «Гамлета». Романтическому культу Шекспира отдали дань увлечения в России такие писатели и поэты, как В. К. Кюхельбекер, А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов, О. М. Сомов, которые опирались на пример Шекспира в создании самобытной национальной литературы, пропитанной духом народности. После 1825 г. драмы и исторические хроники Шекспира помогли осмыслить историко-политическую трагедию восстания декабристов. Заключение в крепость Кюхельбекер с 1828 по 1832 гг. переводил «Макбета» и исторические хроники, написал «Рассуждение о восьми исторических драмах Шекспира и в особенности о Ричарде III» (1832). Интерес к подлинному Шекспиру вызывал появление все новых и новых переводов. Одновременно с Кюхельбекером и независимо от него М. П. Вронченко переводит «Гамлета» (1828), 1-е действие «Короля Лира» (1832), «Макбета» (1837), В. А. Якимов — «Короля Лира» (1833) и «Венецианского купца» (1833). Ряд переводов остался неопубликованным, а стремление переводчиков к точности нередко приводило к буквализму.

Утверждение шекспиризма как константы русского культурного тезауруса связано с именем А. С. Пушкина (подробно изучено в работах: Захаров, 2003, 2006а, 2006b, 2007, 2008; Луков Вл. А., 2007). Шекспи-

ризм стал в России идейно-эстетическим принципом стержневого направления в развитии отечественной культуры, прежде всего — русской литературы. Он характеризует ту сторону диалога культур России и Европы, которая проходит через призму изучения и освоения творческого наследия Шекспира. Впервые термин *шекспиризм* в русской критической мысли в середине XIX века ввел П. В. Анненков (Анненков, 1874, 1998). Во многом именно потому, что своим возникновением этот термин обязан изучению заочного диалога Пушкина и Шекспира, отчасти потому, что именно за Пушкиным в русской культуре закрепилась репутация первого серьезного шекспиролога, понятие *шекспиризм* чаще всего применялось к его творчеству. Тем не менее, в осмыслении пушкинского шекспиризма до сих пор нет достаточной ясности. В основном выявлены очевидные следы присутствия Шекспира в пушкинских текстах: прокомментированы высказывания Пушкина о творчестве английского драматурга, упоминания его имени и имен его героев, использование шекспировских сюжетов и характеров, отмечена роль, которую оба гения сыграли в развитии национальных литературных языков, создателями которых в Англии был Шекспир, в России — Пушкин. С другой стороны, шекспиризм в меньшей степени осмыслен как особый взгляд на мир и человека в нем, как доминанта культурной «картины мира».

Под *шекспиризмом* русских писателей следует понимать художественно-эстетический комплекс идей, который характеризует шекспировское видение и понимание истории и современности, прошлого и будущего (собственно, это то, что Пушкин назвал «взглядом Шекспира»). Шекспиризм проявлялся в осознании художественных открытий английского драматурга, масштабности шекспировского изображения происходящего, в накале и титанизме страстей, в концепции человека и истории, в осмыслении роли случая в истории, в смешении стилей, совместимого и несовместимого, прозы и стиха и т. п.

Понятие *шекспиризм* позволяет объяснить ряд феноменов в русской литературе периода ее наивысшего расцвета. Оно проясняет и известный факт появления в 1903 г. статьи Л. Н. Толстого «О Шекспире и о драме» (Толстой, 1983), в которой выразилось пренебрежительное отношение к Шекспиру и, казалось бы, полное непонимание творчества английского драматурга со стороны гения русской литературы. Критике Толстого подверглась только определенная сторона шекспировского наследия — образы, сюжеты, поэтика шекспировских произведений (иначе говоря, не идеи, а образы, не принципы, а приемы, все то, что можно отнести к сфере шекспиризации как к процессу). Но, сам того не замечая, своим твор-

чеством Толстой явил пример одного из высших воплощений русского шекспиризма, который отразился в масштабности мировидения, концепции истории, стратегии шекспировского художественного мышления — всего того, что необходимо отнести к шекспиризму как комплексу мировоззренческих идей. Такое понимание отвергает досужее мнение о том, что Толстой, со всей основательностью помногу и подолгу читавший Шекспира, специально углубивший свои знания английского языка, в силу каких-то непостижимых причин так и не смог воспринять его уроков.

В современном литературоведении наряду с термином *шекспиризм* используется термин *шекспиризация*. Только сравнительно недавно сделана попытка теоретического обоснования того, что под этими двумя терминами понимаются разные явления (Луков Вл. А., 2004; Захаров, 2008, Луков Вл. А., Захаров, 2008). Под *шекспиризацией* следует понимать процесс в мировой культуре, который характеризует, с одной стороны, интерес к наследию Шекспира, с особой силой возникший во второй половине XVIII века, с другой — то влияние, которое творчество драматурга оказало на литературу, музыку, изобразительное искусство, театр и кинематограф в дальнейшем.

Историко-теоретический подход в литературоведении и общенаучный тезаурусный подход позволили по-новому осветить переходные эстетические явления, для описания которых в других системах не было соответствующих терминов и стоящих за ними представлений, перейти от характеристики сформировавшихся литературных феноменов к анализу процессов их становления. Шекспиризация относится к такого рода процессам, а точнее — к принципам-процессам. Принципы-процессы — категории, которые передают представление о становлении, формировании, развитии принципов литературы, усилении некой тенденции. Их названия выстраиваются по сходному лингвистическому основанию, подчёркивающему момент становления или нарастания некоего отличительного качества художественного текста на фоне литературной парадигмы (господствующей системы соотношений и акцентов в литературных дискурсах): «психологизация», «историзация», «героизация», «документализация» и т. д.

Особую группу среди принципов-процессов составляют те из них, которые отмечают персональные влияния на литературу. Одно из первых мест в этом отношении занимает понятие *шекспиризация*. Соответствующий принцип-процесс в русской литературе проявился несколько позже, нежели в западноевропейских литературах. Наиболее характерны в этом аспекте «Гамлет Щигровского уезда» из цикла И. С. Тургенева «Записки

охотника» (1847–1852), «Леди Макбет Мценского уезда» (1865) Н. С. Лескова, в которых отразились тенденции, схожие с теми, что проходили в немецкой и французской литературах. Шекспиризация создала предпосылки для освоения отечественной культурой высочайших образцов европейской литературы.

Впрочем, специфику освоения шекспировского наследия в отечественной художественной культуре точнее всего характеризует такое понятие, как *шекспиризм*. Если процесс *шекспиризации* предполагает прежде всего включение в национальное культурное пространство шекспировских тем, образов, сюжетов и мотивов, то *шекспиризм*, напротив, характеризует, скорее, восприятие и усвоение идейной, мировоззренческой стороны творчества самого Шекспира, его видения и понимания истории и современности, прошлого и будущего.

Таким образом, «Русский Шекспир» возникал в единстве двух неравнозначных процессов — *шекспиризации* и *шекспиризма*, которые включают совокупность переводов Шекспира на русский язык, характерный национальный взгляд на жизнь и творчество драматурга, творческую интерпретацию его наследия в литературе, музыке, изобразительном искусстве, театре и кино. В XXI веке русская литература продолжает осваивать шекспировские мотивы и образы. И по сей день Шекспир остается самым востребованным иностранным драматургом на русской сцене. Пьесы Шекспира ставятся на театральных подмостках России с завидной регулярностью.

Хотя издавна термин «шекспиризм» применялся и к зарубежной литературе (напр. Белецкий, 1916; Вольперт, 1983), наблюдение над употреблением терминов *шекспиризация* и *шекспиризм* показывает, что *шекспиризация* была преимущественно освоением шекспировского наследия в западной культуре, тогда как *шекспиризм* стал магистральной идеей и творческой задачей русской литературы и культуры.

Идея *шекспиризма* как формы глубокого (не только на уровне текста, образов) освоения художественного наследия Шекспира русской культурой на протяжении веков представляется перспективной, она обновляет тему «Шекспир в русской культуре» и выводит ее на уровень темы «Русский Шекспир» — как часть вычленения русских зарубежных писателей в русском культурном тезаурусе.

Литература:

- Анненков П. В. (1874) Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. СПб.
- Анненков П. В. (1998) Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. Минск: Лимариус.
- Белецкий А. И. (1916) Из истории шекспиризма. Теофиль Готье о комедиях Шекспира. Харьков, 1916.
- Веселовский А. Н. (2006) Избранное: Историческая поэтика / Вступит. стат., коммент., составление И. О. Шайтанова. М. : РОССПЭН.
- Вольперт Л. (1983) «Шекспиризм» Пушкина и Стендаля («Арап Петра Великого» и «Арманс») // Болдинские чтения. Горький. С. 56–66.
- Гайдин Б. Н. (2008) Вечные образы как константы культуры // Знание. Понимание. Умение. №3. С. 241–245.
- Достоевский Ф. М. (1993) Книжность и грамотность. Статья первая // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. М. : Наука. Т. 11.
- Екатерина II (1786) Вот какво иметь корзину и белье. Вольное переложение (Екатерины II) из Шакеспира. В 5-ти действиях. СПб.
- Екатерина II (1901) Вольное переложение из Шекспира, комедия Расточитель (1786) // Екатерина II. Сочинения / с примеч. А. Н. Пыпина. СПб. Т. 3.
- Захаров Н. В. (2003) Шекспир в творческой эволюции Пушкина. Jyväskylä: Jyväskylä University Printing House.
- Захаров Н. В. (2006b) Шекспиризм Пушкина // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 148–155.
- Захаров Н. В. (2006a) Английский язык в тезаурусе Пушкина // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 148–159.
- Захаров Н. В. (2007) Изображение Шекспира в рисунках Пушкина (опыт атрибуции). М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. (Шекспировские студии VI).
- Захаров Н. В. (2008) Шекспиризм русской классической литературы: тезаурусный анализ. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та.
- Захаров Н. В. (2009b) У истоков шекспиризма в России: Н. М. Карамзин, А. А. Петров и Я. М. Р. Ленц // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 119–129.
- Захаров Н. В. (2009a) У истоков русского шекспиризма: А. П. Сумароков, М. Н. Муравьев, Н. М. Карамзин. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та.
- Захаров Н. В. (2011) Первый шекспировский кружок в России: Я. М. Р. Ленц, А. А. Петров, Н. М. Карамзин // Вестник ВЭГУ (Уфа). №1 (51). С. 95–102.
- Лебедев В. А. (1878) Шекспир в переделках Екатерины II [«Вот какво иметь корзину и белье»] // Русский вестник. Т. 134. №3. С. 5–19.
- Левин Ю. Д. (1990) О первом упоминании пьес Шекспира в русской печати // Восприятие английской литературы в России. Л.: Наука. С. 254–256.
- Луков Вал. А., Луков Вл. А. (2008) Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Национального института бизнеса.
- Луков Вл. А. (2004) Шекспиризация // Компаративистика: Современная теория и практика : международная конференция и XIV Съезд англистов (13–15 сентября 2004 г.) : в 2 т. Самара: СПГУ. Т. 2. С. 388–403.
- Луков Вл. А. (2007) Пушкин: русская всемирность // Знание. Понимание. Умение. №2. С. 58–73.
- Луков Вл. А., Захаров Н. В. (2008) Шекспиризация и шекспиризм // Знание. Понимание. Умение. №3. С. 253–256.

Луков Вл. А., Захаров Н. В., Гайдин Б. Н. (2007) Гамлет как вечный образ русской и мировой литературы. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007. (Шекспировские штудии IV).

Сакулин П. Н. (1929) Н. Карамзин о Шекспире, «шекспиризм» в «Борисе Годунове» и «Выстреле» // Русская литература. Социолого-синтетический обзор русских стилей. Ч. 2. М. : Гос. Акад. худож. наук. С. 325–326, 461–464, 545.

Стенник Ю. В. (1981) Жанр трагедии в русской литературе. Эпоха классицизма. Л. : Наука.

Сумароков А. (1782) Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. М. Часть 10.

Сумароков А. П. (1748) Гамлет. Трагедия. (Переделал с франц. прозаического перевода Делапласа) А. П. Сумароков. СПб. : Имп. Акад. наук.

Сумароков А. П. (1957) Эпистола II (о стихотворстве) // Сумароков А. П. Избранные произведения. Л. : Гослитиздат. (Библиотека поэта; Большая серия).

Толстой Л. Н. (1983) О Шекспире и о драме // Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М. : Худож. лит. Т. 15. С. 258–314.

Тургенев И. С. (1968) Речь о Шекспире // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 28 т. М.; Л. : Наука. Сочинения. Т. 15.

Федотов О. И. (2008) Интертекстуальность // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 244–245.

Шайтанов И. О. (2007) Историческая поэтика А. Н. Веселовского: сравнительный метод // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 170–175.

Эстетика Ренессанса (1981): Антология: В 2 т. М. : Искусство. Т. 1.

Mirandola G. P. (1942) De hominis dignitate. Neptaplus. De Ente et Uno / A cura di E. Garin. Firenze.

Shakespeare W. (1990) Hamlet // Shakespeare W. The Complete works / Ed. by W. J. Craig. L.: Henry Pordes.

К. Н. Кислицын

ИДЕЯ МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

Идея магического реализма питала литературоведение второй половины XX века и продолжает быть актуальной в начале века XXI.

Магический реализм — явление XX века, ответная реакция современного искусства на новую, стремительно меняющуюся картину мира и сложную многоплановую реальность. Особенно основательно изучен латиноамериканский «магический реализм» (см.: Кофман, 1990, 1997), но с момента возникновения термина представление о литературе этого плана не связывалось с каким-то одним регионом. Термин «магический реализм» впервые употребляется Ф. Роо (или Рох: Franz Roh) в книге «Постэкспрессионизм. Магический реализм: Проблемы новейшей европейской живописи» (1925). Роо писал об удивительной реальности на

полотнах художников, которая с помощью смещения перспективы и искажения пространственного жизнеподобия приобретала «магическое» наполнение. В 1927 г. Х. Ортега-и-Гассет осуществляет частичный перевод на испанский язык книги Рюо.

«Магическим реализмом» было названо также течение в итальянской литературе 1920-х годов, получившее теоретическую основу в 1927–1928 гг. в журнале «Новеченто», который издавался писателем М. Бонтемпелли. В журнале публиковались немецкие (Г. Кайзер), английские (Дж. Джойс, Д. Г. Лоуренс, В. Вульф), французские и итальянские писатели. «Эпитет «магический», во-первых, наряду с первичной, видимой реальностью, включал в себя вторую, загадочную и необъяснимую, скрытую от наивного взгляда сторону действительности, которую писатель должен был обнаружить и «реалистически» изобразить в своем произведении и, во-вторых, «магической» должна быть сама способность художника снова соединить воедино распавшийся и обособившийся мир предметов и человеческих отношений, вдохнуть в него смысл, создавая тем самым новую модель взаимосвязей мира и человека» (Гугнин, 2001: 488).

После Второй мировой войны явление магического реализма получает второе рождение в немецкой литературе, уходя корнями в романтизм и экспрессионизм (романы Э. Кройдера «Общество с чердака» (1946), Г. Казака «Город за рекой» (1947) и др.). Но главным образом термин «магический реализм» получает широкую известность благодаря успеху латиноамериканского романа 1960–1970-х годов (М. Астуриас, Г. Гарсиа Маркес, А. Карпентьер, Х. Л. Борхес и др.). Кроме прозы латиноамериканского магического реализма, А. Гугнин в литературе XX в. выделяет следующие значимые произведения, относящиеся, на его взгляд, к данному направлению: А. Платонов «Чевенгур» (1929), «Котлован» (1930); И. Андрич «Проклятый двор» (1954) и др. (Гугнин, 1998, 2001).

В России истоки русского «магического реализма» можно отнести к реалистической прозе XIX в. и к литературным процессам начала XX в. Например, в произведениях Н. В. Гоголя, в частности в петербургских повестях «Портрет» и «Невский проспект» (1835), «Нос» (1836), соотношение реального и чудесного уже не столько обусловлено влиянием фольклорно-сказочных мотивов (как это было в творчестве А. С. Пушкина и в ранней прозе самого Н. В. Гоголя), сколько общей, самодостаточной картиной «выморочной» демонической действительности, самой порождающей необычные и фантастические об-

разы. «С разрушением мифологического сознания и нарастающим стремлением в искусстве Нового времени искать движущие силы бытия в самом бытии уже в литературе романтизма появляется потребность в мотивировке фантастического, которое тем или иным образом могло бы сочетаться с общей установкой на естественное изображение характеров и ситуаций. Наиболее устойчивые приемы такой мотивированной фантастики — сон, слухи, галлюцинации, сумасшествие, сюжетная тайна. Создается новый тип завуалированной, неявной фантастики (Ю. В. Манн), оставляющей возможность двойного толкования, двойной мотивировки фантастических происшествий — эмпирически или психологически правдоподобного и необъяснимо-ирреального («Косморамма», 1840, В. Ф. Одоевского; «Штосс», 1841, М. Ю. Лермонтова; «Песочный человек», 1817, Э. Т. А. Гофмана). Такая сознательная зыбкость мотивировки нередко ведет к тому, что исчезает субъект фантастического («Пиковая дама», 1833, А. С. Пушкина; «Нос», 1836, Н. В. Гоголя)...» (Кагарлицкий, 1974: 54) Фантастическое начало активно реализуется в произведениях магического реализма, но играет подчиненную роль. Переплетение действительности и легенды, фантастических aberrаций и обыденного приводит к тому, что невероятное становится правдоподобным, но и наоборот — обыденное кажется чудесным. Вяч. Иванов в экскурсе «Основной миф в романе “Бесы”» (1911), вошедшем в его статью «Достоевский и роман-трагедия» (1914), пишет о мифологии национальной идеи и о евангельских исканиях героев романа. За то же самое — за мифологию национальной идеи — в 1907 г. он похвалил С. Городецкого («Ярь», 1907) и А. Ремизова («Посолонь», 1907), отмечая их «живое и непосредственное проникновение к родникам творчества народного» (Иванов, 1907: 48). В реализме вызревал принцип мифологического, универсального видения мира, что позволяет искать истоки магического реализма в классических текстах XIX века. А. И. Журавлева отмечала: «...Классическая литература XIX века создала эту "новую русскую мифологию", и арсенал этот продолжал активно использоваться и в XX веке, причем не только до 1917 года, но и в советское время» (Журавлева, 2001: 41).

Произведения магического реализма, синтезировавшие реалистическую эстетику с национальной мифологией, имеют общие черты с мифологическим романом, развившимся в русле модернистской эстетики. Мифологический роман, мифологический рассказ как жанры русской философской прозы 20–30-х годов XX в. обязаны своим расцветом

А. Чайнову, А. Платонову, М. Булгакову, М. Пришвину, Л. Леонову, А. Грину.

Произведения, основанные на мифически-магическом мировидении, встречаются как в живописи, так и в литературе на протяжении всего XX столетия. О. Овчаренко пишет, что «употребление термина «магический реализм» давно уже вышло за пределы латиноамериканской литературы» (Овчаренко, 2001: 428). В своих рассуждениях Овчаренко ссылается на антологию канадского рассказа под названием «Магический реализм», составленную и изданную в 1980 г. канадским исследователем Д. Хэнкоком, а также на современную африканскую литературу. Говоря о русском неомифологическом романе 1920-х годов, Е. Б. Скороспелова особо выделяет творчество новокрестьянских писателей первой трети XX века (прежде всего, произведения С. Клычкова и Н. Клюева) и полагает, что «его сближает с латиноамериканским «магическим реализмом» стремление к утверждению национальной самобытности, которая мыслится как обращение к древнейшим пластам культуры, в их противостоянии культуре «метрополии», их роднит желание восстановить в правах коллективное мифически-магическое мировидение, позволяющее представить мир как космический круговорот в его загадочной, необъяснимой сущности» (Скороспелова, 2003: 67).

Рассматривая магический реализм как значительное художественное явление в искусстве XX века, можно выделить следующие основные, характерные для этого направления черты.

1. *Наличие двойной реальности*: первичной и скрытой. Сосуществование и взаимопроникновение этих реальностей. Переплетение фантастического и обыденного. Стремясь в целом сохранить верность принципу жизнеподобия, писатели магического реализма вместе с тем активно вводят в повествование мотив чудесного. Г. Гарсиа Маркес пишет: «Я убежден, что читатель «Ста лет одиночества» не поверил бы в вознесение на небо Ремидиос Прекрасной, если бы не то, что она вознеслась на небо на белых перкалевых простынях» (Маркес, 1979: 6). М. Астуриас и А. Карпентьер провели свою молодость в Париже, поэтому в их раннем творчестве так велико влияние сюрреализма. Преодоление сюрреализма для них с возвращением в латинскую Америку означало второе открытие для себя этой Америки, ее чудесной реальности, требовавшее от писателей обновления метода.

2. *Искажение пространственного жизнеподобия* свидетельствует о сверхреальном, магическом содержании. Подобное искажение может проявляться, в частности, через мотив сна, смещение границ между ре-

альным и ирреальным. При этом если сон в сюрреалистических текстах отражает аберрацию сознания, обостренную рефлексию, то в текстах магических реалистов он суть скрытая реальность. Жизнь старого полковника из повести Г. Маркеса «Полковнику никто не пишет» (1957) — сон, живя в котором он продолжает надеяться, что люди вспомнят его героические заслуги из прошлого и он получит долгожданную пенсию ветерана. Но для остальных прошлое потеряло всякий смысл, утратило реальность.

3. *Время субъективно и относительно*, что является следствием отказа от рационалистического мышления и отражает поэтическое ощущение мира. В романе «Сто лет одиночества» (1966) Маркес изображает застывшее время и фантазмагорический ливень, который идет в отдельно взятом городе несколько лет.

4. Писатель систематически *замещает свой взгляд образованного человека как носителя высокой культуры взглядом примитивного человека*, инфантильно и непосредственно принимающего первичную и скрытую реальность. В романе А. Карпентьера «Царство земное» (1949) автор следует повсюду за своим героем — гаитянским рабом Макандалем, ушедшим в неземное царство магической реальности. Только человеку, попавшему в это царство, открывается смысл жизни в царстве земном и оправдание земных тягот. В своих романах К. Кастанеда учится чувствованию жизни у старого индейца дона Хуана; один из них назван «Особая реальность», и в нем дон Хуан открывал рассказчику суть «“непристегнутости” необычной реальности» (Кастанеда, 2004: 13).

5. Мотивы магического в тексте магического реалиста объясняются способностью автора и героя увидеть реальность под определенным углом, при этом *в диалог вступают такие типы сознания, как мифологическое, мистическое, реалистическое*. Роман Хуана Рульфо «Педро Парамо» (1955) написан в жанре мениппеи. Благодаря мистическому общению героя с мертвыми, воссоздается картина мирового насилия и жестокости.

6. *Отказ от психологического детерминизма*. В произведениях магических реалистов отсутствует психологический анализ уровня романов М. Лермонтова, Ф. Достоевского, Л. Толстого.

7. *Антиутопичность и антипрагматизм*. Бегство от «царства земного» («Царство земное») у Карпентьера всегда наказуемо, куда бы ни лежал путь героев — в мир мифопоэтической реальности или в прошлое.

8. *Национальный, духовный, исторический опыт* как мотивировка сюжетных ситуаций и характеров, как культурный контекст повествова-

ния. Так, субъектом исследования в творчестве М. Астуриаса становится индейское мифотворящее сознание.

9. *Доминирование экзистенциалистского мировосприятия.* Говоря о произведениях Р. Арльта «Злая игрушка» (1926), «Колдовская любовь» (1932), Е. В. Огнева отмечает тему Великого сумрачного пути, на который обречен человеческий дух, вынужденный скитаться в потемках собственного одиночества. Одиночество «делает героев Арльта такими, какими их (вслед за Лейбницем, провозгласившим, что у Сатаны есть свои мученики) увидит Борхес: его иуды, его герои-предатели обречены носить терновый венец. Так вошли в латиноамериканскую прозу установки, предвещавшие экзистенциализм, вошли задолго до выхода в свет, до славы сартровской «Тошноты», до приезда в Буэнос-Айрес Ортеги-и-Гассета» (Огнева, 2000: 520).

Миф — одно из важных и основных понятий для литературной эпохи XX в. Он привлекает к себе внимание своей многозначностью, универсальностью, способностью выражать и проецировать множество значений и смыслов. В качестве альтернативной (по отношению к науке, истории, культуре) системы знаний он может представляться как целостный и синкретичный образ мира. Мифология, по словам К. Г. Юнга, являет собой непреходяще значимую «проекцию коллективного бессознательного» (Юнг, 1994: 126), и «магический реализм» можно по праву считать важной частью, важным звеном в этой проекции, раскрывающим зашифрованные интертекстуальные возможности и связи современного искусства как отражения реальной жизни человека.

Литература:

- Гугнин А. А. (2001) Магический реализм // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.
- Гугнин А. А. (1998) Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века: феномен и некоторые пути его осмысления. М.
- Журавлева А. И. (2001) Новое мифотворчество и литературноцентристская эпоха русской культуры // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология.
- Иванов Вяч. (1907) Рецензия. С. Городецкий. Ярь. Стихи лирические и мирно-эпические. СПб., 1907 // Критическое обозрение. № 2.
- Кагарлицкий Ю. (1974) Что такое фантастика? М.
- Кастанеда К. (2004) Особая реальность: Новые беседы с доном Хуаном. СПб.
- Кофман А. Ф. (1990) Проблема «магического реализма» в латиноамериканском романе // Современный роман: опыт исследования. М.
- Кофман А. Ф. (1997) Латиноамериканский художественный образ мира. М.
- Гарсиа Маркес Г. (1979) Сто лет одиночества. М.
- Овчаренко О. (2001) Магический реализм // Теория литературы. Литературный процесс. Т. 4. М.

Огнева Е. В. (2000) К «новому латиноамериканскому роману» // Зарубежная литература XX века. М.

Скороспелова Е. Б. (2003) Русская проза XX века. М.

Юнг К. Г. (1994) Проблемы души нашего времени. М.

*Н. В. Захаров,
Б. Н. Гайдин,
Вл. А. Луков,
Вал. А. Луков,
Ч. К. Ламажаа,
В. А. Гневашева,
С. В. Луков,
К. Н. Кислицын,
А. И. Фурсов*

ИДЕЯ ИНТЕРНЕТ-ПРОЕКТИРОВАНИЯ⁴

В современной системе гуманитарных идей, носящих преимущественно фундаментальный научный характер, в последнее время выдвинулись на первый план прикладные идеи, из которых особую практическую значимость приобрела идея интернет-проектирования.

Современная культура «мозаична», как охарактеризовал ее французский исследователь А. Моль (Моль, 1995). Она возникает из соприкасающихся, но не образующих единых конструкций (отраслей) фрагментов, где нет строгого разграничения по тому или иному содержанию, по одним или другим критериям. Прообразом данной культуры является телеэкран, на котором в произвольном порядке можно транслировать разное содержание: новости, публицистику, философию, музыку, кино, религию и т. д. А современным средством воплощения этой новой культуры оказывается Интернет, в котором информация самого различного типа задействована в виде гипертекстовых связей.

Активность современных информационных процессов так высока, что заставляет подчинять себе традиционные элементы культуры и как следствие — изменять классическую систему культурной коммуникации, когда мы оказываемся в роли статистов, наблюдающих за процессом адаптации всей системы культуры к становящемуся глобальным новым информационному пространству. В качестве примера можно рассмотреть ситуацию с господством на международной арене (в силу политических, экономических, научно-технических и прочих условий)

⁴ Работа выполнена при поддержке РГНФ, номера проектов указаны в тексте работы.

английского языка, когда доминирование одного языка неизбежно приводит и к изменениям стереотипов поведения в той или иной культурной среде.

Возникновение глобального информационного пространства кардинально меняет ситуацию обмена информацией между культурами. Культуры в рамках межкультурной коммуникации начинают адаптироваться уже не к друг к другу, а к единому информационному пространству как своеобразному метаязыку: «Культуры как бы погружаются в иную внешнюю среду, которая пронизывает межкультурные диалоги, создавая предпосылку для Интегрального Диалога и для замыкания его в Единой Информационной системе. Культура растворяется в этом информационном пространстве» (Миронов, 2005).

Можно заметить, что современное состояние культуры определяет ее стадию перехода от локального уровня к интеграционному. Любой переходный период всегда сложен и таит в себе некоторые угрозы: «Возникает опасность, что в новом коммуникационном пространстве будут господствовать общие стереотипы, общие оценки, общие параметры требуемого поведения, его общедоступные, то есть наиболее простые компоненты. Безусловно, что это сопряжено с массой удобств, но одновременно лишает диалог между культурами всякого смысла» (там же).

Образование и наука сегодня также выступают в качестве важнейшего интегративного фактора, оказывающего серьезное влияние на развитие современной культуры. Подобный диалог будет проявляться в виде активных форм взаимодействия между собой социальных общностей, университетов, педагогических технологий, научных разработок и их применений и т. д. Рассмотрение высшего профессионального образования как диалога «требует использования не только системного и институционального, но и социокультурного и социокоммуникативного подходов, а это значит, что для исследования поставленной проблемы необходимо применить достижения различных направлений социальной мысли, в том числе символического интеракционизма, семантики, семиотики, социолингвистики и др. Существенное значение для анализа ВПО как диалога приобретают понятия языка, письменного текста, информации как средств коммуникации, которые выступают необходимыми предпосылками выработки определенного социокода, содержащего объяснение способа трансляции накопленных знаний и опыта» (Стенограмма Международных Лихачевских научных чтений, 2008: 404).

На базе диалогичности современного знания должна осуществляться модернизация высшего образования. Институт фундаментальных и прикладных исследований МосГУ исходит из представления о неизбежности, более того, необходимости модернизации высшего образования в России. В какие формы она может вылиться? Одним из путей такой модернизации выступает создание обширных баз данных в Интернете. Именно в этом направлении ИФПИ сосредоточил свои усилия, стремясь внести свой вклад в создание условий для модернизации российского образования.

Теоретическое обоснование этой деятельности вытекает из последовательного применения тезаурусного подхода (см.: Луков Вал. А., Луков Вл. А., 2008; Захаров, 2008; Гайдин, 2009, 2011; Ламажаа, 2011; значение этого подхода для современной науки раскрыто в работе: Костина, 2008: 234–247).

Появление новых информационных источников, упрощающих работу с большими пластами информации, приводит к перестроению структуры культурного тезауруса: меняется содержательная сторона гуманитарного знания. Прежде всего, отчетливо обнаруживается движение различных гуманитарных дисциплин к междисциплинарности (к изучению одного явления методами различных дисциплин — «диалогу наук») и к комплексности исследований (обобщение результатов исследования методами многих дисциплин — «полилог наук»). Эти тенденции дополнены новыми явлениями в современной культуре, возникающими в диалоге книжной и «цифровой» культур (систем ценностей).

Впрочем, вопрос об источниках информации также имеет отношение к обновлению содержательной стороны гуманитарного знания. Новое в гуманитарных науках выражается в принципиальном изменении источниковой базы исследований и технологии обработки информации. Информационно-поисковые системы позволяют обрабатывать базы данных, получать результаты в обработке таких объемов информации, которые прежде были недоступны исследователям. Это открывает новые возможности в создании концепций и исследовательских гипотез. Меняются и требования к самим научным гипотезам, которые должны обладать необходимой гибкостью и возможностью их постоянной коррекции в динамическом изменении информации.

Учитывая сказанное, Институт фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета взял курс на развитие новых информационных технологий в области гуманитарных наук, разработав цикл интернет-проектов, которые были представлены

научной гуманитарной экспертизе самого высокого уровня и в итоге получили гранты Российского гуманитарного научного фонда. Мы представляем некоторые из них, входящих в сектор литературоведческих проектов.

Информационно-исследовательская база данных «Русский Шекспир» (руководитель проекта Н. В. Захаров; www.rus-shake.ru). Проект был поддержан РГНФ (2005–2007 гг., проект № 05-04-124238в.). Создание «Информационно-исследовательской базы данных «Русский Шекспир» представляется сложной научно-исследовательской задачей, направленной на интеграцию сразу нескольких направлений. Во-первых, это собственно научные задачи: создание наиболее обширной библиографии по теме «Русский Шекспир», которая включает в себя целый ряд разделов («Переводы произведений Шекспира на русский язык: собрания сочинений и сборники, отдельные произведения», «Критические работы, посвященные творчеству и жизни Шекспира» (проблема авторства, критика отдельных произведений, Шекспир и театр, история шекспироведения, Шекспир и зарубежная литература, Шекспир в России, Пушкин и Шекспир, пародии на произведения и т. д.); исследование и разработка проблем, связанных с вхождением Шекспира в русскую культуру, формированием русской теорией перевода (написание статей и монографий). Во-вторых, это сугубо образовательные вопросы, связанные с использованием Интернет-ресурсов в преподавании филологических дисциплин, методики перевода, истории театра, кинематографа, мировой художественной культуры, разработка оригинального спецкурса «Русский Шекспир». Проект был рассчитан на три года, но обновление контента идет постоянно.

Информационно-исследовательская база данных в окончательном виде будет включать в себя публикацию переводов произведений Шекспира на русский язык, вольных переложений и переделок его произведений, публикацию критических работ и исследований по общим вопросам творчества Шекспира, по проблеме авторства, истории шекспироведения, по отдельным произведениям великого драматурга, их театральным и кинематографическим версиям. Большой объем работы в этом направлении уже выполнен. База данных содержит публикацию как оригинальных результатов текстологических исследований авторского коллектива, так и свыше 1700 печатных источников, многие из которых недоступны большинству исследователей. Технология подготовки информации основана на применении языка разметки XML, что

обеспечивает воспроизведение оформления и шрифтовых особенностей оригинального текста.

Основное значение базы данных — рецепция наследия Шекспира в России и в ряде других стран, его влияние на русскую культуру, литературу и театр. Среди задач проекта — обеспечение справочными ссылками на обширные информационные ресурсы по Шекспиру в Интернете. Проект предполагает разработку и внедрение принципиально новой методики изучения наследия Шекспира в России с учетом системных и функциональных свойств объекта исследования и современных информационных технологий. Информационно-исследовательская база данных будет опубликована в Интернете, она может быть использована в научной, преподавательской и переводческой деятельности, предназначена как для исследователей, так и всех почитателей творчества Шекспира.

Одна из задач проекта — сбор, хранение, использование и распространение в электронной форме больших объемов текстовой информации, предоставление всем заинтересованным исследователям справочной информации, которая является неотъемлемой частью русской культуры, исследуется и изучается в высшей и средней школе России и всего мира. Многие тексты представлены в редких и недоступных сегодня изданиях. Создание электронной библиотеки «Русский Шекспир» в Интернете позволяет предоставить доступ к авторитетным гипертекстовым изданиям, включающим как сами тексты, так и справочный аппарат (вступительные статьи, комментарии, справочные материалы электронных изданий).

Проект дает возможности комплексного изучения такого явления, как «Русский Шекспир». В русской культуре, как и в других национальных культурах, есть мировые гении, освоенные в этих культурах в своих национальных интерпретациях. Таковы русский Гомер, русский Сервантес, русские Гете и Шиллер, русские Байрон и Вальтер Скотт, американский и японский Достоевский. Шекспир давно является важнейшим компонентом изучения английской культуры в России. Наследие Шекспира активно изучается как в университетах, так и в школах. Внимание исследователей привлекают не только тексты великого драматурга, но и театральные постановки, экранизации его произведений в кинематографе. Преподавателям, студентам и школьникам явно не хватает информации о месте Шекспира, которое он занимает в литературе и культуре России и всего мира.

Научную актуальность проекта представляет очевидный факт: если рецепция Шекспира и усвоение его уроков («шекспировские студии») в русской культуре достаточно хорошо изучены в современном литературоведении (М. П. Алексеев, Ю. Д. Левин и др.), то влияние не всегда совершенных и безупречных переводов — переделок его произведений, театральных постановок и актерской игры на поэзию и прозу «золотого» и «серебряного» веков русской литературы до сих пор не было предметом серьезного исследования, что и является одной из основных задач данного проекта.

Сегодня во всем мире идет процесс интенсивного создания электронных библиотек и соответствующих справочно-информационных систем. В иноязычном Интернете широко представлены справочные и образовательные ресурсы о Шекспире на английском и многих других языках особенно в США и Великобритании.

На русском языке, особенно в библиотеке М. Мошкова (<http://lib.ru/SHAKESPEARE/>), хорошо представлены переводы Шекспира последнего столетия, в том числе и ставшие классическими переводы Б. Пастернака, Т. Щепкиной-Куперник, М. Лозинского и др. У них один недостаток — они подготовлены энтузиастами и любителями без должного усердия, без выполнения требований и правил текстологической подготовки электронных научных изданий. В этих интернет-проектах отсутствует научно-исследовательская составляющая.

«Мир Шекспира: Электронная энциклопедия» (под общей редакцией Н. В. Захарова) Проект был поддержан РГНФ (2009–2010 гг., проект № 08-04-12128в; www.world-shake.ru). Другой информационный проект, к реализации которого приступил Институт фундаментальных и прикладных исследований МосГУ в 2008 г., составляет оригинальную часть комплексного исследования творчества Шекспира и его мирового значения. Выполнение проекта должно завершиться разработкой, созданием, внедрением и публикацией электронного словаря «Мир Шекспира: Электронная энциклопедия» в виде информационного веб-ресурса в 2010 г. Планируется его дальнейшая поддержка и обновление в сети Интернет независимо от конечного срока выполнения грантовых обязательств.

В проекте решаются задачи теоретического осмысления проблем освоения творчества зарубежного писателя русской культурой, собирается воедино и обобщается весь комплекс сведений о месте Шекспира в культуре России от первого знакомства с его творчеством в XVIII веке до наших дней: переводы, постановки на сцене, издания, кино- и телеэкра-

низации, шекспировские образы и сюжеты в живописи, музыке, балете, литературная, театральная, искусствоведческая критика, исследования, интерпретации, освещение в сайтах Интернета, Шекспир в повседневной культуре.

Научные проблемы, на решение которых направлен проект, включают в себя фундаментальное понимание, максимально полное и всестороннее представление значения Шекспира и его творчества в культуре России и в современном мире. Актуальность научной проблемы состоит в насущной необходимости систематизировать обширный материал о вхождении творчества Шекспира в общемировой и русский культурные тезаурусы с целью более глубокого понимания основ отечественной культуры нового и новейшего времени. Конкретизация проблемы заключается в выявлении специфики феномена «Мир Шекспира» и усиления значения отечественной традиции восприятия и изучения творчества британского драматурга в мировом шекспироведении.

Проект направлен на решение как сугубо научных, так и прикладных проблем.

Шекспир является одним из мировых гениев, заложивших основания современной цивилизации. На изучении его поэтического наследия держится наука и образование многих стран, в том числе и России. Шекспир оказал глубокое влияние на русскую культуру, литературу и театр. Своеобразна рецепция творчества Шекспира в русской критике. Вместе с тем недостаточно прояснен процесс становления литературной репутации Шекспира, малоизвестны источники, которые лежат в основе высоких оценок, прозрений и предубеждений отечественных поэтов и критиков. В результате реализации проекта будет создан информационный ресурс, имеющий задачей формирование систематизированного (энциклопедического) представления о присутствии гениального зарубежного автора в отечественной культуре, а осваивающая инокультурные образы русская литература предстает как часть литературы всемирной. Впервые в полном виде будет представлена проблема шекспиризма как специфически русской формы осмысления творческого вклада Шекспира в мировую культуру и отечественного переосмысления его творчества.

К прикладным, отчасти техническим проблемам относятся сбор, хранение, использование и распространение в электронной форме больших объемов текстовой и визуальной информации. Цель их решения направлена на предоставление всем заинтересованным исследователям справочных материалов, которые являются неотъемлемой частью рус-

ской культуры, исследуется и изучается в высшей и средней школе России и всего мира.

Таким образом, сфера использования проекта необычайно широка — научные исследования, театр и кинематограф, преподавание Шекспира в высшей и средней школе. Точно также широк и круг потенциальных пользователей Электронной энциклопедией «Мир Шекспира», который может состоять как из активных пользователей глобальной сети Интернет, читателей и поклонников творчества английского драматурга, так и серьезных исследователей, переводчиков, издателей, режиссеров, преподавателей, студентов и школьников.

Проект предполагает создание англоязычной версии большинства статей, которые позволят адекватно представить наследие Шекспира в русской культуре и предоставят доступ к огромному объему информации о Британском драматурге в России всем заинтересованным пользователям сети Интернет, не владеющим русским языком. Основные научные методы, применяемые в исследовании, — историко-теоретический, герменевтический, разработка которых позволяет планировать фундаментальные результаты при решении поставленной задачи. Особое значение придается тезаурусному подходу, центром разработки которого стал ИФПИ МосГУ.

Электронной энциклопедии «Мир Шекспира» наиболее соответствует англоязычный коммерческий аналог: www.shakespeare.com. Единственное несовершенство данного ресурса — это платный характер предоставления доступа (стоимость доступа к каждой публикации 15\$). На русском языке, особенно в Информационно-исследовательской базе данных «Русский Шекспир» (www.rus-shake.ru), хорошо представлены переводы Шекспира, но существует необходимость в более эргономичном представлении энциклопедического знания о Шекспире.

Проекты Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ предполагают публикацию обширного материала по малоизвестным, труднодоступным, а зачастую забытым текстам «русского Шекспира», информационных материалов по «Миру Шекспира», его исторической эпохи, театру, разработку и внедрение принципиально новой методики изучения наследия Шекспира в России с учетом системных и функциональных свойств объекта исследования и современных информационных технологий. В последующем результаты работ по проекту способны к развитию путем обновления информации и заполнения новых сегментов информационно-исследовательской базы данных.

«Современники Шекспира: электронное научное издание» (руководитель проекта Н. В. Захаров). Третий «шекспировский» про-

ект осуществляется при поддержке РГНФ с 2011 г. (грант № 11-04-12128в; www.around-shake.ru) и рассчитан до 2013 г. Произведения современников Шекспира были одним из важных факторов формирования национальных особенностей английской драматургии, прозы и поэзии, тем не менее эта особенность эволюции британской культуры до сих не получила всестороннего освещения в отечественной науке. В литературоведении и литературной критике слабо изучено их влияние на русскую поэзию и прозу, музыку, живопись, их место в повседневной культуре России. Проект «Современники Шекспира» призван осветить общую линию и конкретные формы влияния этого масштабного культурного явления на отечественную традицию. Актуальность данной научной проблемы состоит в насущной необходимости раскрытия механизмов рецепции творчества современников Шекспира в западноевропейской литературе, театре, музыке и изобразительном искусстве, в изучении культурных последствий данных влияний на культуру России. Охарактеризовано творчество драматургов шекспировского времени К. Марло, Р. Грина, Б. Джонсона, Ф. Бомонта, Дж. Флетчера, Т. Деккера, Дж. Лили, Дж. Пиля, Дж. Чапмена. Обрисован культурный контекст: поэзия Дж. Донна, поэтов-кавалеров. Исторический контекст: портреты современников Шекспира от Елизаветы I и Якова I до предпринимателя Т. Грешема. Семейный контекст: родные Шекспира — отец, мать, братья, сестры, жена, дети, внуки и т. д. Современная Шекспиру литература других стран — Испании (Лопе де Вега, Кальдерон, Аларкон), Франции (Монтень, Малерб, Корнель). Россия времен Шекспира (Иван Грозный). Важное место займут переводы текстов современников Шекспира. Представляется необходимым дать характеристику переводов и переводчиков, развернуть панораму исследования культуры шекспировской эпохи через портреты шекспироведов, культурологов, историков, через характеристику понятий, применяемых для изучения эпохи Возрождения и начало Нового времени. Адрес проекта — <http://around-shake.ru/>

«Французская литература от истоков до начала новейшего периода: электронная энциклопедия» (под редакцией проф. Вл. А. Лукова). В 2009–2010 г. при поддержке РГНФ (проект № 09-04-12150в) в рамках научной деятельности Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета велась работа над монументальным проектом «Французская литература от истоков до начала новейшего периода: электронная энциклопедия» (www.litdefrance.ru)

С окончанием финансирования проекта по гранту РГНФ он был включен в план научно-исследовательской работы ИФПИ МосГУ и продолжает наполняться новыми материалами. Научную поддержку проекта оказывают Российское отделение Международной академии наук (IAS, Инсбрук, Австрия), Центр тезаурусных исследований Международной академии наук педагогического образования. В разработке проекта принимают участие филологические кафедры и специалисты вузов Москвы (Московский педагогический государственный университет, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Московский государственный лингвистический университет, Гуманитарный институт телевидения и радиовещания имени М. А. Литовчина и др.), Самары, Магнитогорска, Орска, Нижнего Новгорода, Магадана, других российских городов, в которых интенсивно ведется комплексное исследование истории французской литературы от истоков до наших дней.

Цель проекта — дать всестороннее представление и концептуальное структурирование материалов об историческом пути развития французской литературы — одной из магистральных литератур мира.

В проекте решаются задачи теоретического осмысления проблем освоения французской литературы русской культурой, собирается воедино и обобщается комплекс сведений об этапах развития литературы Франции (в соответствии с требованиями теоретической истории литературы Д. С. Лихачева, историко-теоретического и тезаурусного методологических подходов современного литературоведения), литературных направлениях, течениях, движениях. Большое внимание уделяется жанрам, системам жанров, началу формирования жанровых генерализаций. Параллельно выстраивается история французской литературы через персональные модели крупнейших французских писателей. Широко используется прием *case study* («исследование случая»): публикуются материалы научных исследований отдельных проблем, произведений и т. д.

Актуальность проекта состоит в возникшей уже давно и ставшей насущной потребности огромный материал, связанный с историей французской литературы, который накопила отечественная наука за несколько столетий, определенным образом структурировать исходя из современных методологических способов осмысления обширных и многоаспектных контентов. Конкретизация этой проблемы заключается в выявлении «русского взгляда» на историю французской литературы, того интенсивного культурного диалога, в который вступили обе культуры в XIX веке. «Русский взгляд» отличается от «французского взгляда» довольно значи-

тельно и только в последнее время начинает корректироваться, но не исчезать, что объясняется тезаурусным подходом.

Основным научным методом, используемым в проекте, является метод тезаурусного анализа мировой культуры (тезаурусный подход). На основе этого метода и историко-теоретического метода (подхода) разработана периодизация французской литературы, представленная как закономерная смена стабильных эпох и переходных периодов.

В проекте планируется осуществление рассмотрения прямого диалога литератур Франции и России, а именно первой стадии этого диалога, до начала новейшего периода, когда окончательно складывается феномен всемирной литературы, и этот материал русско-французских связей предстает в проекте как прообраз будущей всемирной литературы, наиболее успешная и убедительная ее модель. Французская литература оказала огромное влияние на русскую литературу: Вольтер и Руссо, Гюго и Жорж Санд, Стендаль и Мериме, Бальзак и Флобер вошли в русский культурный тезаурус с такой степенью полноты, что представляются «русскими зарубежными писателями» (термин из современных литературоведческих исследований, основанных на тезаурусном методологическом подходе). Со второй половины XIX века русская литература стала входить в сознание французов столь же интенсивно: Тургенев, Толстой, Достоевский, а несколько позже Чехов и Горький стали для Франции «французскими русскими писателями» (что впоследствии облегчило создание во Франции самого мощного потока литературы русского зарубежья при параллельном освоении наиболее значимых произведений советской литературы, не случайно мэтр экзистенциализма Ж.-П. Сартр считал величайшим писателем XX века М. А. Шолохова).

Теоретическая история французской литературы (представленная через развитие направлений, жанров, наиболее общую периодизацию и т. д.) дополнена историей французской литературы, представленной через персональные модели наиболее значительных писателей (теория этого вопроса изложена в работе: Луков Вл. А., 2006), но также и через биографические справки о писателях второго и третьего ряда, которые, хотя и не перешагнули из своей эпохи в последующие эпохи, но зато свое время выразили наиболее, может быть, точно, передав в своих произведениях его специфику, атмосферу.

Многообразие материала персоналий (писатели, деятели культуры, журналисты, исследователи французской литературы и др.), материалов о художественных произведениях и их героях и т. д. позволяет говорить о проекте как об электронной энциклопедии, к которой будут обращаться

ся в том числе и за поиском сведений о забытых писателях и литературных явлениях. В электронной энциклопедии предполагается заметное место уделить характеристике культурного контекста, в котором развивалась французская литература на разных этапах своего развития. Дополнительная информация будет содержаться и в иллюстративном материале статей.

На сегодняшний день материал по истории французской литературы многообразно представлен как в печатной форме, так и в форме электронной. Вместе с тем произошел определенный разрыв между обобщенным представлением о французской литературе в ее целостности, если говорить о названных формах: так, академическая «История французской литературы» в 4 томах выходила в 1946–1963 гг. и не переиздавалась, наиболее авторитетные французские издания такого типа (напр., История французской литературы под ред. А. Адана) вышли в 1970-х годах. Вузовские учебники по французской литературе в нашей стране не издавались с 1980-х гг. (учебники коллективов во главе с Л. Г. Андреевым, А. Л. Штейном), а их содержание частично устарело и к тому времени. Напротив, в Интернете можно найти новейшие сведения о французской литературе, некоторые материалы на русском языке размещают французские структуры (посольство, культурные центры, фонды и т. д.). Вместе с тем, многие материалы неточны, а наиболее точные можно найти в размещенной в Интернете Литературной энциклопедии, словаре Брокгауза и Ефрона, которые опять-таки относятся к давно прошедшим временам (1930-е годы, даже рубеж XIX–XX веков). Работая, например, с таким популярным ресурсом, как Википедия, нужно быть в научном смысле хорошо подготовленным, чтобы отличить верные сведения от случайного и ошибочного материала. Однако не в этом видится основной пробел Интернета. Материалов о французской литературе насчитывается несколько миллионов, и требуется научный «навигатор» в этой бездне материала. Таким «навигатором» призвана стать данная электронная энциклопедия.

Электронная энциклопедия адресована неограниченному кругу пользователей в глобальной сети Интернет, занимающихся изучением французской литературы как по профессии (научные работники, преподаватели вузов и школ, студенты, аспиранты, переводчики, сценаристы, режиссеры, издатели), так и в связи с личными познавательными интересами, связанными с любовью к французской литературе и желанием глубже освоить ее сокровища.

«Современная французская литература: Электронная энциклопедия (под редакцией проф. Вл. А. Лукова)», — новый проект, начатый в 2011 г. при поддержке РГНФ (проект № 11-04-12028в) и рассчитанный до 2013 г. Его адрес в Интернете: www.modfrancelit.ru. Он продолжает предыдущий проект, в чем проявляется стремление к системности в развитии интернет-проектирования ИФПИ МосГУ. Французская литература, на протяжении веков входившая в число ведущих литератур мира, в Новейший период (с конца XIX века до наших дней) закрепила это элитное положение. Актуальность проблемы состоит в том, что обширный материал по современной французской литературе все более аморфен, требует обновленной систематизации, выделения ключевых моментов в своем развитии, культурных констант, обновления и форм анализа как литературного процесса, так и его отдельных звеньев, произведений писателей. Особенно важной проблемой для авторов проекта — отечественных ученых — является выявление «русского взгляда» на современную французскую литературу в контексте концепции диалога культур. Начало Новейшего периода отмечено окончательным оформлением феномена всемирной литературы, в которой русско-французские литературные взаимоотражения играют особую роль — но какую именно? Выявление этой роли является одной из фундаментальных задач проекта. Новейшая французская литература оказала на культуру России в XX веке и продолжает оказывать в наши дни огромное влияние: если писатели более ранних периодов — Вольтер и Руссо, Гюго и Жорж Санд, Стендаль и Мериме, Бальзак и Флобер — уже давно вошли в русский культурный тезаурус с такой степенью полноты, что представляются «русскими зарубежными писателями» (термин из современных литературоведческих исследований, основанных на тезаурусном методологическом подходе), то аналогичный процесс происходит на наших глазах с такими писателями, как Пруст и Камю, Сент-Экзюпери и Сартр, в то время как русские писатели XX века Горький и Шолохов, Булгаков и Пастернак, Солженицын и Бродский интенсивно осваивались современным культурным тезаурусом французов. Во Франции XX века самый мощный поток литературы русского зарубежья при параллельном освоении наиболее значимых произведений советской литературы.

Данный проект составляет электронную версию фундаментального комплексного исследования французской литературы (от начала Новейшего периода до наших дней) в отражении русской культурой и публикацию в Интернете электронной базы данных в виде словаря «Фран-

цузская литература от начала Новейшего периода до наших дней: Электронная энциклопедия». В проекте решаются задачи теоретического осмысления проблем освоения новейшей французской литературы русской культурой, основанного на обширном материале научных работ и энциклопедических статей. В проекте реализуется выдвинутая акад. Д. С. Лихачевым концепция теоретической истории литературы, осуществляется историко-теоретический и тезаурусный анализ современной французской литературы, которая представлена через развитие направлений, жанров и жанровых генерализаций. Большое место будет уделено характеристике авангардных явлений в культуре XX века, модернизму, постмодернизму, а также проблемам реализма и гуманизма в современную эпоху. В то же время реализуется и концепция истории литературы как истории персональных моделей наиболее крупных писателей, как и через биографические справки о писателях второго и третьего ряда, что делает предлагаемый проект полноценной электронной энциклопедией. Предполагается заметное место уделить характеристике культурного контекста, в котором развивалась французская литература на современном этапе развития. Фундаментальную научную составляющую подчеркивает включение в энциклопедию основательных исследований, научных статей, в которых анализируется современное состояние французской литературы, культурный контекст, изучаются теоретические проблемы литературоведения, осуществляется анализ конкретных произведений, отдельных частных проблем и т. д. (так называемые материалы второго уровня) Этот дополнительный уровень информации позволит проекту стать постоянно действующим научным семинаром по проблемам современной французской литературы, русско-французским литературным связям.

В совокупности с электронной энциклопедией о французской литературе предыдущих периодов (проект РГНФ № 09-04-12150в) данный проект после его реализации позволит охватить материал большого масштаба и высокой степени актуальности для филологических, культурологических исследований: французскую литературу — одну из ведущих литератур мира — в ее полном объеме от возникновения до наших дней.

«В. Г. Белинский». Еще один из проектов, разрабатываемых в ИФПИ МосГУ, осуществлялся при поддержке РГНФ (2009–2010 гг., проект № 09-04-12145в), а теперь при поддержке МосГУ Б. Н. Гайдным: в специально создаваемом электронном научном издании «В. Г. Белинский» (www.vgbelinsky.ru) в итоге будет представлено

в полном объеме критическое наследие В. Г. Белинского. Творчество русского критика и философа знаменует целую эпоху русской литературы и культуры России XIX века. Оно не утратило своего значения и в начале XXI века. Задача проекта — максимально полное и всестороннее представление литературной деятельности В. Г. Белинского, его роли в русской литературе, театре и культуре России в целом, начиная с XIX века и до сегодняшнего дня.

Актуальность проблемы состоит в публикации в открытом доступе текстологически подготовленных собраний сочинений разных лет в различных редакциях, а также отдельных статей, рецензий и заметок, не попавших в них и опубликованных в отдельных источниках. Также предполагается публикация избранной подборки журналов, сотрудником, ведущим критиком или редактором которых в разные годы являлся В. Г. Белинский («Телескоп», «Московский наблюдатель», «Отечественные записки», «Современник»). На базе ресурса будет возможно представить различные литературно-критические статьи тех авторов, которые освещают наследие В. Г. Белинского и развивают его идеи. Проект направлен на решение как научных, так и прикладных проблем.

В. Г. Белинский внес огромный вклад в развитие русской литературно-критической мысли. «Эпоха Белинского» пришлась на «золотой век» русской литературы. Ему принадлежит огромное число критических статей как по творчеству отдельных писателей, поэтов, драматургов, переводчиков, так и обзорных статей, которые дают читателю представление о различных литературных тенденциях того времени. В. Г. Белинский сыграл существенную роль в развитии русской театральной критики. Не менее значителен вклад В. Г. Белинского в осмысление творчества таких столпов западноевропейской литературы, как У. Шекспир, Ф. Купер, Э. Т. Гофман и др., их путь вхождения в тезаурус русской культуры.

Разработка данного ресурса даст возможность предоставить доступ пользователям сети Интернет к изданиям с гипертекстовой разметкой, включающим как сами тексты, так и необходимый справочный аппарат (вступительные статьи, комментарии и т. п.).

«Н. Г. Чернышевский». Аналогично обосновывается новый проект ИФПИ МосГУ, представленный в РГНФ на конкурс 2012 г. — «Н. Г. Чернышевский», руководитель проекта — Б. Н. Гайдин, сроки реализации — 2012–2014 гг. Значимость фигуры Чернышевского в истории России неоспорима, его труды, давно не переиздававшиеся, должны быть заново открыты для русского читателя.

Названные проекты способствовали значительной интенсификации научно-исследовательской работы: появились научные монографии (см.: Захаров, 2008; Луков Вл. А., Захаров, Гайдин, 2007; Луков Вл. А., Флорова, 2009), диссертации (см.: Гайдин, 2009), статьи (в журнале «Знание. Понимание. Умение», периодических сборниках научных трудов «Тезаурусный анализ мировой культуры», «Шекспировские штудии», в Новой Российской энциклопедии и др.), проведены серии «круглых столов», презентации проектов на международных конференциях и т. д.

Приведенные проекты демонстрируют прикладной аспект тезаурусного подхода, показывают возможности электронной формы хранения и обработки информации в решении задач гуманитарного знания и высшего образования сегодня.

Помимо литературоведческих проектов система интернет-ресурсов, разрабатываемая в ИФПИ МосГУ, включает другие проекты гуманитарного цикла, нередко комплексные.

Таков, например, **Электронный информационный портал «Русский интеллектуальный клуб»** (руководитель проф. И. М. Ильинский; отв. Вал. А. Луков, С. В. Луков; www.rikmosgu.ru). Проект осуществлялся в 2008–2010 гг. при поддержке РГНФ (проект №08-03-12118в). Русский интеллектуальный клуб (РИК) создан 2 сентября 1999 года. Инициаторами создания РИК были выдающийся русский мыслитель и ученый, академик Российской академии наук Никита Николаевич Моисеев и ректор Московского гуманитарного университета (в 1999 г. — Института молодежи) профессор Игорь Михайлович Ильинский. В организации работы клуба с момента его создания принимал активное участие известный русский философ и социолог Александр Александрович Зиновьев (на протяжении ряда лет являлся его президентом). Клуб выбирает для обсуждения на своих заседаниях актуальные и трудные для анализа проблемы современной общественной жизни. Отличительная особенность этих проблем — их крупный, всемирный масштаб и первостепенная значимость для человечества. В заседаниях РИК принимают участие видные ученые, политические и общественные деятели, эксперты по обсуждаемым актуальным проблемам. Электронный портал дал возможность организовать оперативную публикацию научных статей, тематических докладов, материалов дискуссий и других научных работ.

Другой пример — **Информационно-исследовательский портал МосГУ «Человеческий потенциал России»** (под редакцией проф. Вал. А. Лукова; отв. С. В. Луков; www.hdirussia.ru). Проект осуществлялся

в 2009–2010 гг. при поддержке РГНФ (проект № 3263406). В нем помещены статьи И. М. Ильинского, Вал. А. Лукова, Б. Г. Юдина, П. Д. Тищенко, Вл. А. Лукова, В. А. Гневашевой, Н. В. Захарова и др. Человеческий потенциал составляет основное богатство России, и его выявление, систематизация, описание, осмысление необходимы как в целях управления социальным и культурным развитием страны, так и для продвижения положительного образа России во внешних отношениях на межправительственном и неправительственном уровнях. Хотя в общей форме признание особых качеств человеческого потенциала России не подвергается сомнениям, остаются проблематичными его оценка, способы его измерения и экспертизы, системного описания, а также выявления проблем развития человеческого потенциала в биотическом, социальном, культурном, нравственном и других аспектах, стратегическое проектирование его накопления и реализации, его передачи новым поколениям в условиях многополярного мира. Теоретические работы в этой области нередко характеризуются экономическим уклоном и концептуально обосновывают растрату человеческого потенциала как ресурса экономического роста. В ряде научных сообществ сформировался другой взгляд на человеческий потенциал России, в основе которого — осмысление культурного своеобразия и возможностей человеческого развития, которыми располагает наша страна. Такой потенциал реализуется без его утраты: происходит кумулятивное накопление его качественных характеристик как общенародное достояние, передаваемое новым поколениям. В этом ключе работы по проблематике человеческого потенциала велись в Институте человека РАН и ныне продолжаются в Институте философии РАН, а в аспекте межпоколенческих отношений — в Московском гуманитарном университете. В настоящем проекте его научное содержание определяется соединением концепций и результатов практической работы (эмпирических исследований, организационного консультирования, экспертизы актов законодательства и др.) этих двух исследовательских групп. В Информационно-исследовательском портале публикуются научные статьи, результаты эмпирических исследований, тематические доклады, материалы конференций по проблемам человеческого потенциала России. Эта работа выявит преимущества и особенные черты, которые имеет Россия в аспекте человеческого потенциала. Кроме теоретического значения, такая научно-исследовательская информация может стать существенной для работы органов государственной власти, СМИ, общественных объединений в формировании на международной арене позитивного образа России и ее людей. Публикация в электронном портале «Человеческий потенциал России» исследовательских материалов, вклю-

чение материалов о достижениях россиян в различных сферах духовного творчества, культурных и технических инновациях, социальных и культурных проектах, традициях и инновациях, связи поколений и др. позволит лучше осмыслить человеческий потенциал как основное богатство России, сформировать подходы к экспертизе принимаемых управленческих решений в аспекте их влияния на состояние и изменения человеческого потенциала.

Весьма значимый проект ИФПИ — **Информационно-исследовательская база данных «Социология молодежи»** (рук. В. А. Гневашева, проект был поддержан РГНФ, проект № 09-03-12103В). База размещена в сайте Московского гуманитарного университета (www.mosgu.ru/nauchnaya/ifpi/csm/), что позволяет использовать ее материалы представителями научной школы социологии молодежи, одной из наиболее авторитетных научных школ, сформировавшихся в университете, а также аспирантами и студентами (для которых предусмотрены материалы, связанные с учебным курсом «Социология молодежи»).

Интеграция гуманитарных исследований через интернет-проектирование в ИФПИ МосГУ организуется через **Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение»**. Работа на портале началась в 2006 г., в 2006–2008 гг. велась при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №06-03-12301В), в дальнейшем стала существенной составной частью НИР ИФПИ МосГУ. Портал был зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере СМИ и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации Эл № ФС77-25026 от 14 июля 2006 г.). Портал также зарегистрирован НТЦ «Информрегистр» в Государственном регистре как база данных за № 0220812773.

Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение» публикует научные статьи, материалы конференций, симпозиумов, «круглых столов», дискуссии по актуальным научным темам, информацию о научных мероприятиях, материалы научно-методического характера, рецензии, отчеты об исследованиях, переводы трудов зарубежных авторов и другие научные работы. Электронное издание информирует читателей о состоянии и перспективах развития гуманитарных наук, достижениях и проблемах высшего образования в России и в мире, об успешном опыте российских государственных и негосударственных вузов, важных событиях, документах и прогнозах в области организации и финансирования науки и образования. Проект направлен на консолидацию отечественных ученых-гуманитариев, на

осуществление полноценной и эффективной научной деятельности, ориентированной на повышение качества жизни в России и укрепление духовного и интеллектуального потенциала нашей страны. Работа редакции портала направлена на стимулирование творческой активности молодых ученых и преподавателей, привлечение к ним внимания со стороны общественности, средств массовой информации, органов государственной власти, на организацию их взаимодействия с известными современными учеными, на поддержку и развитие традиций российской науки, культуры, образования, повышение престижа научно-исследовательской и преподавательской работы.

Редакционный совет портала возглавляет ректор МосГУ проф. И. М. Ильинский, в него входят академик РАН А. А. Гусейнов, члены-корреспонденты РАН Ю. Л. Воротников, А. Л. Журавлев, Б. Г. Юдин, президент Международной академии наук (IAS, Австрия) В. Кофлер, другие видные ученые. Главный редактор издания — проф. Вал. А. Луков, его заместители — Ч. К. Ламажаа, Вл. А. Луков, Н. В. Захаров. Ответственный секретарь — Б. Н. Гайдин. Им не только ведется работа по отбору и размещению материалов, но и деятельность по представлению электронного портала (журнала) в РИНЦ, что обеспечивает значимость публикаций, их учет в ведущих регистрационных базах научных работ.

В качестве СМИ Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации Эл №ФС77-37967 от 5 ноября 2009 г., зарегистрировано издание «Новые исследования Тувы» (www.tuva.asia), создателем и главным редактором которого является Ч. К. Ламажаа. Идея электронного издания родилась в обсуждениях проблем Тувы между коллегами Кызыла и Москвы. Сформулирована она была в виде проекта весной 2008 г. в стенах ИФПИ МосГУ, в котором работает Ч. К. Ламажаа, исследователь проблем тувинской модернизации. Среди авторов проекта ученые Тувы: В. Ю. Сузукей, А. К. Кужугет, С. М. Орус-оол, а также А. С. Папын. Проект нашел понимание в республике. В итоге, к нему присоединились ученые Тувинского института гуманитарных исследований и Тувинского государственного университета — ведущих научных и образовательных учреждений региона. Запущен сайт как совместный проект трех организаций: МосГУ, ТывГУ и ТИГИ. Число партнеров не ограничено, список открыт.

В редакционный совет вошли видные отечественные ученые, которые готовы поддержать проект, посвященный конкретному региону,

которые понимают, что Россия — это страна регионов, а каждый регион — это часть России. Проект поддержал Российский гуманитарный научный фонд (проект № 09-03-12130в).

В этом интернет-проекте прежде всего важны новые теоретико-методологические подходы гуманитарного знания России и мира, которые учитывают факторы глобализации и вызовов модернизации, и могут тем самым обогатить арсенал тувиноведов. Для анализа современных процессов в Туве необходимо углубление в историю республики. Многие ошибки уже совершены до нас, многое происходило и ранее. История показательна и учит быть мудрее. Поэтому свое место найдут и исследования классической истории. Так как тувинская общественная жизнь зиждется на русской и тувинской этнокультурных традициях, важными являются исследования этнографов, этносоциологов, этнопсихологов и пр.

Тува как регион России является как уникальным, так и типичным примером. Поэтому бурно развивающееся в последнее десятилетие регионоведение также представляет огромный интерес своими новыми разработками. Культура тувинцев является культурой восточной, культурой кочевников Азии, культурой с тюркской языковой основой. Соответственно наше издание открыто для тюркологов, монголоведов, номадоведов, востоковедов.

Для ученых также появился новый интереснейший повод для работы в связи с началом строительства железной дороги, которая впервые свяжет Туву с другими российскими регионами и повлияет на все сферы общественной жизни в регионе. Данный факт может рассматриваться как один из факторов для дальнейшей модернизации трансформированного традиционного общества.

Сотрудники ИФПИ выступают не только как создатели интернет-проектов, но и как авторы работ, публикуемых в других электронных СМИ, базах данных. Примером являются публикации в различных интернет-изданиях весьма острых статей по проблемам политологии, написанных А. И. Фурсовым (Фурсов, 2010; и др.), а также его выступления перед камерой, не менее востребованные посетителями Интернета (например, «Блеф российской модернизации», 6965 просмотра; «Кто подкупил Горбачева», 8511 просмотров; «Дэн Браун — новый пророк» в YouTube, 13905 просмотров; и т. д.).

Институт фундаментальных и прикладных исследований МосГУ принял решение включить работу над интернет-проектами в план своей постоянной научной работы.

Литература:

- Гайдин Б. Н. (2009) Вечные образы как константы культуры (интерпретация «гамлетовского вопроса») : дис. ... канд. филос. наук. М.
- Гайдин Б. Н. (2011) Вечные образы как константы культуры: тезаурусный анализ «гамлетовского вопроса». Saarbrücken : Lambert Academic Publishing.
- Захаров Н. В. (2008) Шекспиризм русской классической литературы: тезаурусный анализ. М.
- Костина А. В. (2008) Теоретические проблемы современной культурологии: Идеи, концепции, методы исследования. М.
- Ламажаа Ч. К. (2011) Архаизация общества в период социальных трансформаций (социально-философский анализ тувинского феномена): дис. ... д-ра филос. наук. М.
- Луков Вал. А., Луков Вл. А. (2008) Тезаурусы : Субъектная организация гуманитарного знания. М.
- Луков Вл. А. (2006) Теория персональных моделей в истории литературы. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та.
- Луков Вл. А., Захаров Н. В., Гайдин Б. Н. (2007) Гамлет как вечный образ русской и мировой литературы. М. (Шекспировские студии IV).
- Луков Вл. А., Флорова В. С. (2009) «Сонеты» Уильяма Шекспира: от контекстов к тексту. М. (Шекспировские студии XII).
- Мионов В. В. (2005) Информационное пространство: вызов культуре [Электронный ресурс] // Информационное общество. Вып. 1. С. 14–18. URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/4c1af4ae57b2af19c3257194002d5705>
- Моль А. (1995) Социодинамика культуры. М.
- Стенограмма Международных Лихачевских научных чтений (2008) [Электронный ресурс] «Диалог культур и партнерство цивилизаций». Секция 9. Высшее образование: проблемы развития в контексте глобализации. С. 404. URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2008/09_sek_9/00_kruglij_stol.pdf
- Фурсов А. И. (2010) Опричнина в русской истории — воспоминание о будущем // Русский Обозреватель. 11.03. URL: <http://www.rus-obr.ru/ru-club/5948>

АВТОРЫ

Воротников Юрий Леонидович — директор Центра русской филологии Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ, член-корреспондент Российской академии наук, доктор филологических наук, академик Международной академии наук (IAS, штаб-квартира в г. Инсбрук, Австрия)

Гайдин Борис Николаевич — старший научный сотрудник Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ, кандидат философских наук

Гневашева Вера Анатольевна — директор Центра социологии молодежи Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ, кандидат экономических наук, член-корреспондент Международной академии наук (IAS, штаб-квартира в г. Инсбрук, Австрия)

Захаров Николай Владимирович — заместитель директора Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ, доктор философии (PhD), кандидат филологических наук, академик Международной академии наук (IAS, штаб-квартира в г. Инсбрук, Австрия) — ученый секретарь Русского отделения, Ученый секретарь Шекспировской комиссии РАН

Кислицын Константин Николаевич — старший научный сотрудник Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ, кандидат филологических наук

Киященко Лариса Павловна — главный научный сотрудник Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, ученый секретарь Российского комитета по биоэтике при комиссии ЮНЕСКО, доктор философских наук

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — старший научный сотрудник Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ, кандидат философских наук, академик Международной академии наук (IAS, штаб-квартира в г. Инсбрук, Австрия)

Луков Валерий Андреевич — проректор по научной и издательской работе — директор Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, вице-президент Русского отделения Международной академии наук (IAS, штаб-квартира в г. Инсбрук, Австрия)

Луков Владимир Андреевич — директор Центра теории и истории культуры Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик-секретарь Секции гуманитарных наук Русского отделения Международной академии наук (IAS, штаб-квартира в г. Инсбрук, Австрия)

Луков Сергей Валерьевич — старший научный сотрудник Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ, кандидат социологических наук

Погорский Эдуард Константинович — аспирант кафедры философии, культурологии и политологии МосГУ

Тищенко Павел Дмитриевич — главный научный сотрудник Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ, заведующий сектором гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН, доктор философских наук, академик Международной академии наук (IAS, штаб-квартира в г. Инсбрук, Австрия)

Фурсов Андрей Ильич — директор Центра русских исследований Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ, кандидат исторических наук, академик Международной академии наук (IAS, штаб-квартира в г. Инсбрук, Австрия)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Воротников Ю. Л.</i> Идея местоимений как смысловых исходов в русской грамматике смыслов.....	3
<i>Луков Вл. А.</i> Идея культурного канона.....	8
<i>Гайдин Б. Н.</i> Идея констант культуры.....	15
<i>Киященко Л. П., Тищенко П. Д.</i> Идея гуманитарной компетентности.....	32
<i>Луков С. В., Погорский Э. К.</i> Идея европейского образовательного пространства.....	44
<i>Захаров Н. В., Луков Вл. А.</i> Идея русского шекспиризма.....	50
<i>Кислицын К. Н.</i> Идея магического реализма.....	61
<i>Захаров Н. В., Гайдин Б. Н., Луков Вл. А., Луков Вал. А., Ламажаа Ч. К., Гневашева В. А., Луков С. В., Кислицын К. Н., Фурсов А. И.</i> Идея интернет-проектирования.....	67
Авторы.....	88

Научное издание

ИННОВАЦИИ В КОРПУСЕ ГУМАНИТАРНЫХ ИДЕЙ

**Материалы конференции
Института фундаментальных и прикладных исследова-
ний
Московского гуманитарного университета
16–17 февраля 2012 года**

Сборник научных трудов

Часть 2

*Под редакцией
доктора философских наук, профессора,
заслуженного деятеля науки Российской Федерации
Вал. А. Лукова,
доктора филологических наук, профессора,
заслуженного деятеля науки Российской Федерации
Вл. А. Лукова*

Издательство Московского гуманитарного университета
Печатно-множительное бюро
Подписано в печать 16.02.2012 г. Формат 60×84 1/16
Усл. печ. л. 5,75
Тираж 100 Заказ №
Адрес: 111395, Москва, ул. Юности, 5/1